

Девятая жизнь Луи Дракса

Автор:

[Лиз Дженсен](#)

Девятая жизнь Луи Дракса

Лиз Дженсен

Young & Free

«Я не такой, как остальные дети. Меня зовут Луи Дракс. Со мной происходит всякое такое, чего не должно. Знаете, что говорили все вокруг? Что в один прекрасный день со мной случится большое несчастье, всем несчастьям несчастье. Вроде как глянул в небо – а оттуда ребенок падает. Это я и буду».

Мама, папа, сын и хомяк отправляются в горы на пикник, где и случается предсказанное большое несчастье. Сын падает с обрыва. Отец исчезает. Мать в отчаянии. Но спустя несколько часов после своей гибели девятилетний Луи Дракс вдруг снова начинает дышать. И пока он странствует в сумеречном царстве комы и беседует со страшным Густавом, человеком без лица, его лечащий врач Паскаль Даннаше пытается понять, что же произошло с Луи – и с его матерью.

Психологический триллер популярной британской писательницы Лиз Дженсен «Девятая жизнь Луи Дракса» – роман о семьях, которые живут как бомбы замедленного действия и однажды взрываются. О сумраке подсознательного, где рискует заблудиться всякий, а некоторые блуждают вечно. О том, как хрупка жизнь и как легко ее искорежить.

Лиз Дженсен

Девятая жизнь Луи Дракса

Безмерно любимому Карстену посвящается.

Взирая на мозг человека, думаешь о том, кто мы есть: с одной стороны, всего лишь плоть, с другой – всего лишь химера.

Пол Брокс. В стране молчания[1 - Пол Брокс – британский нейропсихолог; его исследование «В стране молчания: путешествие по дорогам нейропсихологии» («Into the Silent Land: Travels in Neuropsychology») было опубликовано в 2003 г. Первая часть названия книги перекликается со стихотворением американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807-1882) «Песнь страны молчания».]

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Предупреждение

Я не такой, как остальные дети. Меня зовут Луи Дракс. Со мной происходит всякое такое, чего не должно. Например, я отправился на пикник и утонул.

Спросите мою Маман, каково иметь не сына, а тридцать три несчастья. Она вам расскажет. Ничего смешного. Ни сна, ни покоя, только и думаешь, чем все закончится. Повсюду мерещится опасность, и в голове одно: я должна защитить его, должна защитить. Только не всегда получается.

Маман возненавидела меня раньше, чем полюбила, а все из-за первого несчастного случая. Первый несчастный случай – это когда я родился. Я родился, прямо как император Юлий Цезарь. Там тетеньку тыкают ножом, потом у нее лопается живот, и тебя вытаскивают, а ты орешь и весь в крови. Они решили, что нормальным способом я не рожусь. (Нормальный способ тоже ужас.) И еще врачи думали, что мама умрет от родов, как мама Юлия Цезаря, а тогда наши мертвые тела положили бы в гробы – маму в большой, а меня в маленький. Или еще нас можно было положить в большой такой дву-трупный гроб и тра-ля-ля. Наверняка такие есть. Наверняка их можно заказать через Интернет, такие

специальные гробы для мам и сынишек, которых нельзя разлучать. Рождаться было ужасно, ребенку с мамой такого не забыть, даже через сто лет. Но это было только начало. Я тогда ничего еще не знал, и мама тоже.

Второй несчастный случай произошел, когда я был грудной. Мне было месяца два, я спал в своей кроватке и вдруг начал умирать от синдрома внезапной младенческой смерти. А у мамы в голове крутилось: я должна защитить его, должна защитить. Без паники. Вызови «Скорую». Пока ехала «Скорая», маме по телефону подсказывали, как меня раздушить. Потом мне дали кислород и на груди наделали кучу синяков. Может, у мамы остались фотографии. Спросите, если хотите, и еще пусть она вам покажет рентгеновские снимки моих ребер, они там все переломанные и продавленные. Потом в четыре года у меня случился приступ – я так орал, что практически перестал дышать на девять с половиной минут. Без врак. Даже великий Гудини[2 - Гарри Гудини (Эрих Вайсс, 1874–1926) – американский иллюзионист венгеро-еврейского происхождения, фокусник-эскапист.]такого не мог, хоть и был эскапистом. Это американский такой артист. Потом мне было шесть лет, и я упал на рельсы в Лионском метро. Получил электрошок на восемьдесят пять процентов. Мало с кем такое случается, а вот со мной случилось. Я выжил, и это почти чудо. Потом еще я отравился – наелся отравленной пищи. Я болел сальмонеллезом, столбняком, ботулизмом, менингитом и другими болезнями, которые трудно произносятся, но они есть в третьем томе медицинской энциклопедии. Почитайте – ужас.

– Такой ребенок для мамы был просто кошмар. – Это я объясняю Густаву. Густав – специалист по кошмарам, у него вся жизнь кошмарная. – Она каждый день придумывала, что еще со мной может приключиться, и сочиняла, как будет меня спасать.

– Тебе здесь лучше всего, – говорит Густав. – Пока ты не появился, мой маленький джентльмен, я был очень одинок. Оставайся тут, сколько пожелаешь. Составь мне компанию.

Я привыкаю к Густаву, но он все равно страшный. У него голова обмотана бинтами, а на них кровь. Если б вы его увидели, вы бы тоже испугались или даже умерли со страху. Но тоже начали бы ему все рассказывать, как я. Потому что так легче говорить, когда лица не видно.

С самого детства за мной нужен был глаз да глаз. Отвернись на минуту – и я сразу вляпаюсь в какую-нибудь историю. Все говорили, что от высокого

умственного коэффициента все, наоборот, только хуже.

– Говорят, у кошки девять жизней, – рассказывает Маман. – Кошкины жизни цепляются за тело и не отрываются. Луи, если б ты был кошкой, ты бы уже истратил восемь жизней. Каждый год – минус одна. Так больше нельзя.

И Папа? с Жирным Пересом туда же.

– А Жирный Перес – это кто? – спрашивает Густав.

Жирный Перес – это был такой толстый читатель мыслей, только он не очень-то умел их читать. Маман с Папа? платили Пересу, чтобы он меня выслушивал и докопался до тайны, Странной Тайны Луи Дракса, удивительного мальчика Тридцать Три Несчастья. Это Папа? так про меня рассказывал. Правда, ничего смешного. Все очень даже серьезно, и Маман доходила до полного отчаяния.

Знаешь, Густав, что говорили все вокруг? Что в один прекрасный день со мной случится большое несчастье, всем несчастьям несчастье. Вроде как глянул в небо – а оттуда ребенок падает. Это я и буду.

Дети должны беречь мам, чтобы мамы не плакали, поэтому каждую среду я ходил в Gratte-Ciel[3 - Небоскреб (фр.)]к Жирному Пересу. У него там квартира возле площади Братьев Люмьер. Вы что, не знаете, кто такие братья Люмьер? Их было двое, они изобрели кино, и еще про них есть музей, и даже фонтан на площади, и рынок, куда Маман ходила за салатом, помидорами и сыром. Я терпеть не мог помидоры, у меня даже была от них аллергия. И еще Маман ходила в charcutier[4 - Мясная лавка (фр.)]и покупала там saucisson sec[5 - Постная колбаса (фр.)], которую мы с папой между собой обзывали ослиной пиписькой. А пока Маман ходила по магазинам, мы с Жирным Пересом разговаривали про кровь и тра-ля-ля.

– Луи, можешь говорить обо всем, что приходит в голову. Я затем и нужен, чтобы слушать.

Очень часто я рассказываю про летучих мышей-вампинов, потому что много знаю про «La Plan?te bleue»[6 - «Голубая планета» (фр.)], и «Les Animaux: leur vie

extraordinaire»[7 - «Животные: их необычайная жизнь» (фр.)], и про мертвых людей, про Жак-Ива Кусто[8 - Жак-Ив Кусто (1910–1997) – французский морской исследователь, эколог, фотограф, один из изобретателей акваланга; снимал многочисленные фильмы о подводной жизни.], и Адольфа Гитлера или Жанну д’Арк, и братьев Райт[9 - Уилбер (1867–1912) и Орвилл (1871–1948) Райт – американские авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации.]. И еще я знаю про многие болезни и отравы. Мировой кровососательный рекорд у летучей мыши-вампира – пять литров, она сосет кровь из коровьей шеи или попы, но сначала парализует корову плевком, который называется слюной. Я мог рассказывать Жирному Пересу что угодно, это же останется между нами. Чем противнее был мой рассказ, тем больше он заводился. И скрипел кожаным креслом.

Я все думал: если вдруг Пересу наскучат мои кровавые истории, пускай оставит вместо себя магнитофон, который каждые пять минут будет талдычить его голосом: «Рассказывай дальше». А Перес пошел бы в другую комнату, посмотрел бы мультяшки или купил себе сладкого.

– А сколько стоит ваш сеанс?

– Об этом лучше спроси Маман, – отвечает Перес. – Или Папа?.

– Нет, скажите. Сколько стоит?

– Зачем тебе?

– Потому что, может, и я так смогу. Деньгу заработаю.

И у него такая мерзкая жирная улыбочка:

– Ты хочешь помогать людям, да?

И тогда я смеюсь:

– Помогать людям? Я хочу сидеть, как вы, на стуле и талдычить «рассказывай дальше», да еще получать за это кучу евро. Легкотня.

- Ты хочешь легкой жизни, когда вырастешь?

- Глупый вопрос.

- Отчего же глупый?

- Потому что я ведь не вырасту.

- С чего ты взял?

Он что, считает, я полный придурок? Я же не с планеты Плутон или типа того, где у людей мозгов нету.

- Это уже второй глупый вопрос.

- Извини, если мои вопросы показались тебе глупыми. Но я все равно хотел бы услышать ответ, - говорит он и шевелит жирным лицом. - Итак, Луи, с чего ты взял, что не вырастешь?

Ничего не говори, ничего не говори, ничего не говори.

Жирный Перес был мой самый большой враг, но даже он меня так не пугал, как Густав. Вы бы тоже испугались Густава, если б его увидели. Потому что у него под бинтами нет лица, и он так сильно кашляет, что его прямо тошнит, а иногда мне кажется, будто я его выдумал, чтоб мне было с кем поговорить. А если я его выдумал, то не знаю теперь, как от него избавиться, потому что, если кто-то засел в голове, как его оттуда вытурить?

Это невозможно ведь. Потому что они живут в головах.

На свете есть законы, и если их нарушать, то попадешь в тюрьму. Но еще есть секретные правила, прямо такие секретные, что про них все молчат. Например, секретное правило насчет домашних животных. Если у тебя маленькое домашнее животное, например хомяк по кличке Мухаммед, и если он живет дольше положенного, а им положено два года, - тогда ты можешь, если охота, убить хомяка, потому что он твой. Это секретное правило называется Правом

Избавления. Можно удушить хомяка или отравить, если есть отравы. Или можно уронить на него что-нибудь тяжелое – третий том медицинской энциклопедии или «Harry Potter et l'Ordre du Phenix»[10 - «Гарри Поттер и Орден Феникса» (фр.)]. Главное ничего не испачкать.

Жирного Переса нашел для меня Папа?, а отдувалась Маман, потому что ей ведь приходилось меня возить. Папа? был занят работой в облаках, он там объявляет: внимание стюардессам, пятнадцать минут до посадки, включить ручной режим открытия дверей. И еще он изучает навигационные карты и ходит на курсы по социализации, потому что...

Вообще-то я не знаю, почему он туда ходит. Я не знаю, что такое курсы по социализации.

Квартира Жирного Переса находится на рю Мальшерб в Gratte-Ciel. Звонишь в домофон, Перес у себя дома нажимает кнопку, и дверь открывается, а на лестнице у лифта пахнет bouillabaisse[11 - Рыбный суп (фр.)]или иногда зеленой фасолью. Мы поднимались на четвертый этаж в старом скрипучем лифте, и мне сразу хотелось пи?сать. Жирный Перес говорил, что это все от замкнутого пространства.

– У тебя небольшая клаустрофобия, – объясняет он. – Ничего ненормального: в замкнутом пространстве это случается с детьми и даже с некоторыми взрослыми, им хочется освободить мочевой пузырь. Старайся терпеть.

Но каждую среду я все равно прямо с порога бежал в мерзкий Пересов туалет. Мочевой пузырь похож на надувной шар. Это мускульный мешочек, но он может лопнуть, если долго терпеть, точно вам говорю. Иногда я выходил из туалета и подслушивал у дверей гостиной, а уже потом шел и спускал воду. Бывало, они даже ссорились, как будто женатые. Но я ничего не мог расслышать, хотя даже приставлял к двери стакан из-под зубной щетки, у него еще на дне такая мерзкая зеленая слизь.

Если тебе платят деньги, нечего спорить.

Когда я возвращался из туалета, Маман говорила: пока, Луи, дорогой, я пошла по магазинам. Потом она уходила, и мы с Жирным Пересом разговаривали, и это стоило кучу евро из денежного автомата, который давал Папа? деньги за то, что

Папа? сидел в кабине самолета. Иногда, когда Папа? летает, стюардесса приносит ему кофе. Или, например, чай, а пиво или коньяк нельзя.

- Как тебе жилось, Луи? - спрашивает Жирный Перес.

- Если Папа? будет пить пиво или коньяк, его могут уволить из «Эр Франс».

Жирный Перес - он старый, ему лет сорок, и у него большое толстое лицо, как у младенца. Если тыкнуть в лицо булавкой, оно лопнет, и оттуда брызнет желтая гадость.

- Что ж, пожалуй, ты прав, - говорит Жирный Перес. - Твоему Папа? вообще нельзя принимать алкоголь. Летчикам это строго запрещено. Но ты не ответил на мой вопрос, Луи.

Вопрос Номер Один у Переса всегда одинаковый - как мне жилось. Иногда он ждет, что я заговорю, не дожидаясь вопроса, но у него ничего не выходит из-за моего секретного правила Ничего Не Говори. И вот мы сидим и молчим, пока у него не лопается терпение. Я терпеливее Жирного Переса, потому что он через пять минут уже начинает скрипеть своим креслом, а про мое секретное правило Перес не знает, потому что это я придумал. Когда он все же задает мне Вопрос Номер Один, и если я в это время не играю в Ничего Не Говори, я могу ответить, что у меня все замечательно, благодарю вас, мсье Перес, как ваша диета? Или могу насочинять что-нибудь про школу, как мы там деремся и тра-ля-ля. Иногда у нас действительно в школе с кем-нибудь происходит что-нибудь такое, а я говорю, будто это случилось со мной. Перес такой лопух и верит или притворяется, что верит. Тогда он лопух в квадрате. Вот послушайте.

- Сегодня мне так надавали! - говорю я.

Скрип.

- Ну, рассказывай.

- На уроке столярного дела. Я мастерил винтовую лестницу из бальзы, уменьшенную такую модель. И тут ко мне подходят восемь громил и говорят: эй ты, Чекалдыкнутый. И у них в руках молотки, а у самого здоровенного еще и

ажурная пила. Он схватил меня за шкурку и засунул мою голову в тиски. А потом они начали вбивать в мой череп гвозди.

- Ой, - говорит Жирный Перес. Скрип.

Какой же он мерзкий. И лопух. У нас ведь нет уроков по столярному делу, это у моего папы они в детстве были. У нас вместо труда - урок информационных технологий, это гораздо полезнее, потому что можно стать хакером.

- Больно было ужас как. И еще тот громила собирался отпилить мне голову своей ажурной пилой, но тут подошел мсье Зидан[12 - Зинедин Язид Зидан («Зизу», р. 1972) - франко-алжирский футболист, играл за национальную сборную Франции по футболу; в разное время выступал за четыре европейских клуба, в том числе «Реал Мадрид».), наш учитель по труду. Он раньше был звездой футбола. Но самое ужасное, что наказали меня. Без врак.

- Почему наказали тебя, а не этих громил? - спрашивает Жирный Перес. - Просто интересно.

- Потому что громилы всегда побеждают, к тому же кругом была моя кровь. Охота футбольным звездам вытирать за другими кровь - у них ведь куча призов и Кубок Мира. Когда я вытащил голову из тисков и пошел по коридору в туалет, за мной по полу капала кровь. Зеленая. Это его и взбесило.

- А почему кровь-то зеленая?

- Потому что у меня лейкемия, а после химиотерапии кровь становится зеленой. Вы разве не знали? А я думал, что вы ученый.

- Зеленая кровь, лейкемия... Чудеса! Рассказывай дальше, - говорит он. Скрип.

Надо было назвать его не Жирным Пересом, а Мсье Рассказывай Дальше. Или Мсье Тупицей, Придурком, Лопухом, Жопой.

И все равно говорить я могу что угодно, потому что любые чувства разрешаются. Дети должны свободно проявлять эмоции, даже негативные. Этот мир безопасен и тра-ля-ля.

Ха-ха, шутка.

А теперь слушай меня, Жирный Перес. Сейчас я буду задавать вопросы.

Вопрос Номер Один: когда я в школе, к тебе приходит моя мама?

Вопрос Номер Два: Когда она тебе рассказывает про себя и папу, под тобою скрипит кресло?

Вопрос Номер Три: Вы делаете после этого секс?

Если в этот момент со мною был Перес, его кресло говорило: скрип, скрип, скрип. А если со мною был Густав, он говорил: Спокойно, мой маленький джентльмен. Не трать силы напрасно. Думай о важном.

– Устроим в выходные что-нибудь замечательное, – говорит она. – В честь нашего дня рождения.

У нас почти одинаковый день рождения, и еще у нас был почти одинаковый день умирания, когда я рождался. Я родился 7 апреля, а мама на два дня раньше, так что мы с ней почти близнецы и нужны друг другу, иначе нам смерть. Наши дни рождения мы справляем одновременно, между 5-м и 7-м апреля. Мне исполняется девять, а маме сорок, это называется Четыре О! Папа? приезжает из Парижа – он там вроде как живет теперь со своей зловредной мамой Люсиль. Мне подарят кучу подарков и нового хомячка. Его зовут Мухаммед, как его предшественника. Он будет жить в той же клетке и делать свои дела в ту же коробочку из-под повидла. Я всех своих хомячков называю Мухаммедами, это имя очень им подходит, Папа? говорит, что это династия такая.

Мухаммеда Третьего мне подарили вместе с книжкой «Как ухаживать за маленькими грызунами».

– Будем надеяться, этот продержится дольше, – говорит Папа?. – Можешь взять его в Париж, когда соберешься к нам с Мами?[13 - От фр. мамie – бабушка.]

Но мама на него так строго смотрит, потому что Париж плохой город.

У этого хомячка шкурка светлее. И глаза не черные, а темно-красные, как будто налитые кровью. Наверное, потому что он боится. Первую неделю все Мухаммеды боятся, а потом обживаются и начинают выучивать секретные правила для домашних животных. Клетку Папа? называет Алькатрасом[14 - Алькатрас - остров в заливе Сан-Франциско, где до 1963 г. размещалась тюрьма строгого режима; теперь Алькатрас - исторический памятник. «Побег из Алькатраса» (1979) - боевик американского режиссера Дона Сигела по мотивам одноименной книги (1963) Дж. Кэмпбелла Брюса об истории Алькатраса и побегах оттуда; в основу фильма легло исследование Брюса, посвященное реальному побегу заключенных Фрэнка Морриса и братьев Джона и Кларенса Энглинов; Морриса в фильме сыграл Клинт Иствуд.] - это было такое кино про тюрьму, из которой герои сбегают и тра-ля-ля.

На день рождения я подарил Маман духи «Аура». Пахли они похлеще кошачьей мочи или дохлой крысы. Папа? купил эти духи в аэропорту, а дарил я. Это был подарок от меня, хотя не я выбирал и платил не я, и скидку делали тоже не мне. Я просто подал идею.

- Какая прекрасная идея - подарить мне духи, - сказала Маман и подушилась за ушами, а потом все обнимала меня и обнимала, целовала и целовала, так что мне уже дышать было нечем и я закашлялся.

Главное - это подать идею.

В следующий раз мне исполнится Один О!

Вообще-то Маман не знает, что идея с духами на самом деле была не моя. Я забыл про ее день рождения, потому что радовался из-за своего и потому что мне подарят Мухаммеда Третьего. Папа? напоминал по телефону, что нужно нарисовать открытку, но я тогда собирал «Лего» - пусковую ракетную установку с капсулой. Так что про открытку я забыл и подписал ту, что привез Папа?. Он приехал к нам на новой машине, называется «Фольксваген Пассат». Открытку я подписал черным восковым карандашом, вообще-то я им рисую летучих мышей-вампиров, свастику и всякие картинки про смерть.

Моя мама хрупкая как стеклышко, потому что, говорит Папа?, у нее была трудная жизнь. Из-за этого у нее болит голова, и мама плачет, и еще иногда кричит на меня, а потом извиняется и снова плачет, и без конца меня обнимает и обнимает, и всего целует. Зато Папа? у меня не хрупкий, редкий в мире силач. При встрече вы могли бы получить от него по голове, и она у вас будет болеть, называется – сотрясение мозга. Мой Папа? вообще здорово дерется, он мог бы стать боксером, просто он дерется честно, в отличие от дяденьки, который убил великого Гудини – подошел и ударил в живот, а Гудини не успел напрячь мышцы[15 - Имеется в виду история смерти Гарри Гудини: в Монреале после выступления к нему в примерную зашел студент Университета Макгилл Дж. Гордон Уайтхэд, спросил, действительно ли Гудини способен выдержать любой удар в живот, и когда Гудини это подтвердил, Уайтхэд несколько раз его ударил. Гудини был госпитализирован на следующий день и умер спустя неделю от перитонита, начавшегося из-за разрыва аппендикса. Нет достоверных подтверждений тому, что разрыв аппендикса был следствием выходки Уайтхэда, однако вероятность этого велика.]. Папа? тренирует мышцы в тренажерном зале: у него есть грудная мышца, брюшная мышца и кроме этих двух еще куча – больше, чем у любых пап. Он бы даже мог стать Машиной-Убийцей, если бы много тренировался. Но у него нет времени, вот и все. Он очень занят – летает на самолетах. Папа? говорит, что у него сидячая работа, а кабина – это как стол с прибабасами. У меня очень тяжелая работа, mon petit loup[16 - Волчонок (фр.)], никакой романтики.

Да еще нужно поосторожней с распитием пива и коньяка, нужно пить потихоньку, чтобы никто не знал. Тем более что после поездки в «Парижский Диснейленд» ты стал пить еще больше, да и вообще стал очень странный – без конца злишься на жену и сына, хотя они всего лишь невинные жертвы, на которых ты изливаешь свою злость, а они ведь не виноваты, виноват только ты сам, и нужно это признать.

– В выходные мы все втроем поедим за город, в Овернь, – говорит Маман. – Устроим там замечательный весенний пикник. Ты, я и Папа? – мы снова будем семья.

И улыбается губами в розовой помаде.

Раньше Папа? летал на международных рейсах, а теперь летает внутренними. Лучше уж внутренними, потому что семейная жизнь от этого меньше страдает, а ведь семья – это самое дорогое, что есть у человека. На моей поздравительной

открытке написано: «Нашему дорогому сыну». А на открытке от меня и Папа? написано: «Самой замечательной матери». Когда она ее прочитала, у нее как-то перекосялся рот, она странно посмотрела на Папа? и спросила: открытку выбирала Люсиль? А потом положила ее рядом с открыткой от своей маман – та и мне прислала открытку, но я никогда не видел эту бабушку, потому что Гваделупа далеко, и еще там растут манго и другие экзотические фрукты, ну и тра-ля-ля.

– В горах возле Понтейроля водится дикий цветок форзиция, – говорит Маман. – Форзиция цветет в апреле. Мы можем собрать букетик.

– Зачем это?

– Поставим дома в вазу или кому-нибудь подарим, – говорит она. – Каким-нибудь друзьям. – И снова улыбается.

Маман постоянно меняет подруг. Потому что в один прекрасный день между ними происходит Большое Разногласие, и причиной Большого Разногласия всегда оказываюсь я, и Маман прогоняет подруг, потому что она всегда на моей стороне, защищает меня от нехороших людей, которые задают всякие каверзные вопросы и называют меня Чекалдыкнутым. Ведь мамы для того и нужны, чтобы защищать своих детей, только это очень одиночивает. А у Папа? есть коллеги, другие летчики из «Эр Франс», и еще красивые стюардессы с других авиалиний, которые называются конкурентами. У Папа? наверняка есть друзья и в тренажерном зале, но там вряд ли интересуются цветами и ничего не слышали про форзицию. Я тоже не слышал. Вот вы слышали про форзицию?

Что, правда? Ну и какого она цвета?

Вот видите. Никто ничего не знает про форзицию. Маман ее выдумала, чтобы вытащить нас из дому. Она иногда нарочно так делает, потому что сидит, как в клетке. А мамам требуется воздух, свобода и простор. Мамы как птицы – если их держать в клетке, они сойдут с ума. Не все же папам летать. И еще они ссорились по телефону.

– Это все ты виноват!

– Я? И ты говоришь это мне?

И она пытается загладить вину. Женщины всегда пытаются загладить вину. Прodelывают Эмоциональную Работу. Если ее не прodelывать, мужчина ни за что не вернется: он будет распивать в барах пиво и коньяк и думать о том, как бы развалить семью с помощью зловредной бабушки Люсиль, которая прислала мне поздравительную открытку, пятьдесят евро и еще свою фотографию с маленьким Папа? и псом Юкки, которого потом задавил трактор. У Юкки из-за этого отнялись ноги, и ему пришлось делать Доброе Убийство. Это похоже на Право Избавления, только гораздо печальнее.

- Ну вот, - говорит Маман. - Чемодан я собрала. С пятницы на субботу мы ночуем в гостинице возле Виши, а с воскресенья на понедельник возвращаемся в Лион. У Папа? целые выходные, так что закатим пир. Так: корзинка с продуктами, термос...

Принадлежности для пикника совсем новехонькие - наверное, это часть Эмоциональной Работы. Я их никогда не видел, эти пластиковые тарелки, чашки, ножи и вилки, потому что на пикник мы едем в первый раз - то есть семьей в первый раз. А с классом мы уже ездили. Там, если забудешь на земле мусор, нужно вернуться и подобрать. Учителя? заставляют петь дурацкие песни, а в автобусе по дороге обратно непременно кого-нибудь тошнит. Маман ставит корзину в багажник, а мне же интересно. Я снимаю крышку с сумки-холодильника - там еда в бутербродной пленке. Эта пленка опасна для детей, потому что если налепить ее на лицо, будешь похож на страшного бандита, но потом задохнешься и умрешь. В корзинке еще лежит р?te[17 - Пирог с мясом (фр.)].и saucisson sec, которую мы с папой по секрету называем ослиной пиписькой, потом сыр камамбер, виноград и праздничный пирог из «Patisserie Charles»[18 - «Кондитерской Шарля» (фр.)]. Подходит Папа? и тоже заглядывает в корзинку.

- Сколько ты всего накупила, Натали, - говорит он.

- Сорок лет бывает раз в жизни, - отвечает Маман.

- Ослиная пиписька, - потихоньку говорит Папа? одними губами.

- А можно я возьму Мухаммеда? - спрашиваю я.

– Нет, cheri[19 - Дорогой (фр.)], извини, – отвечает Маман.

Но Папа? говорит: почему бы и нет, он же будет сидеть в Алькатрасе. И мы ставим клетку с Мухаммедом в багажник рядом с едой. Вообще-то хомяков запросто можно оставлять одних даже на десять дней, потому что они мало едят. Здоровско, что мы снова одна семья – Маман, Папа? и хомяк. Маман захлопывает багажник, и мы садимся в «Фольксваген Пассат», у него есть люк в крыше и еще проигрыватель на шесть дисков. Папа? надевает солнечные очки – круто, он похож на гангстера. Он защелкивает ремень безопасности и заводит машину – дrrrr. Папа? оборачивается к нам и улыбается: «ну, поехали» – словно все как обычно, словно они опять любят друг друга и не будет на свете никакого человека с повязкой вместо лица. Словно ничего ужасного не произойдет.

Маленькие мальчики обожают всяких морских чудищ. Будь у меня сын, я бы отвез его посмотреть – в парижском музее только что выставили гигантского кальмара. Пятнадцать метров, законсервирован в формальдегиде. Я видел фотографию в «Le Nouvel Observateur»[20 - «Новый наблюдатель» (фр.) – один из крупнейших французских журналов, культурно-политический еженедельник.]: трубчатое тело и щупальца с присосками, и эти щупальца трепещут, как ноги у балерины. Кальмар похож на орхидею или нежную актинию, которая оторвалась от ножки и плавает на глубине океана, потерянная и смятенная. По-латыни гигантский кальмар – architeuthis. Годами все думали, что таких не бывает, что это миф, плод больного воображения моряков, у которых все время перед глазами сплошной океан, это у них помешательство от морской воды. Но глобальное потепление сослужило хорошую службу гигантским кальмарам: они стали размножаться как безумные, и каждый день их прибывает к далеким берегам. И глаза у кальмаров с тарелку.

Будь у меня сын...

Но у меня его нет. Только две взрослые дочери. Рафинированные молодые дамочки, обе при мобильниках, им нет дела до чудес природы. Обе учатся и живут в Монпелье. Я бы отвез их посмотреть на подводных чудищ, но им неинтересно. А мальчишки – они другие. Всё бы отдали за гигантского кальмара.

Я точно знаю, что и Луи Дракс такой же. Он держал хомячка, а мечтал о животных пострашнее: о тарантулах, игуанах, змеях и летучих мышах –

готических животных с шипами, чешуей, вздыбленной шерстью, о животных, в которых таится угроза смерти. Больше всего любил читать роскошно иллюстрированную детскую книгу «Les Animaux: leur vie extraordinaire». Много цитировал оттуда наизусть.

Как утверждает мать Луи, Натали Дракс, у мальчика было богатое, причудливое воображение. Марсель Перес, психолог Луи, в своем заявлении для полиции назвал это качество «проблемой смычки с реальностью». Луи был мечтателем, одиночкой. Не отличал правды от вымысла. Как большинство детей с неординарными способностями, он плохо учился, потому что ему было невыносимо скучно. Роста он был небольшого, а взгляд его темных бездонных глаз пробирал до костей. Все так говорили. Станный мальчик. Выдающийся мальчик. Необычайно смысленый. В этом чувствовался подтекст – наверняка те же самые люди за глаза называли его «единственный ребенок» – кодовое обозначение невоспитанного баловня. Но после того что случилось, никто не смел говорить о нем плохо, что бы ни думал.

Думаю, мы бы поладили с девятилетним Луи Драксом, если б познакомились по-настоящему. Я бы рассказывал ему о чудесах природы, научил бы его играть в покер, vingt-et-un[21 - Очко (фр.).]или в кункен. Как и Луи, я был единственным ребенком в семье – у нас есть кое-что общее. Я показал бы ему френологическую[22 - Френология – теория, согласно которой можно судить о психических характеристиках человека на основании измерений черепа.]карту и в самых поэтических выражениях описал бы работу человеческого мозга. Объяснил бы, какие точки отвечают за те или иные импульсы, объяснил бы, что юмор и скороговорки проистекают из иных зон мозга, нежели алгебра или картография. Ему бы понравилось. Я точно знаю, что ему бы понравилось.

Но ничего у нас не получится. У нас обеих жизнь сошла с рельсов и... Скажем так, праздничных воздушных шариков на горизонте не видать.

Историю всегда переписывают. Я вот тоже попытался. Больше всего люблю представлять, что в истории с Луи я не ошибся ни разу, всегда прозревал, что происходит. На самом деле это не так. Правда в том, что я был слеп, а слеп я был, потому что умышленно закрывал глаза.

Хорошая погода и смерть несовместимы. И все же в день последней трагедии Луи они совпали: все произошло в начале апреля в горах Оверни, после полудня. Еще прохладно, однако солнце по-летнему яркое. Эти горы – дикие, труднопроходимые, давно облюбованные спелеологами, которые лазают по подземным пещерам, что образовались после землетрясений и вулканических извержений тысячелетней давности; по глубоким разломам и впадинам, что тянутся на долгие-долгие мили, исполосовав землю, точно шрамы. Ближайший город – Понтейроль. Место для пикника выбрали в укромном подветренном месте на горном склоне: головокружительно пахло диким тимьяном. Я подозреваю, даже полицейские, занятые фотографированием и поисками, прониклись очарованием этих мест. Гул реки в ущелье не угрожал, а успокаивал. Стремление этих вод способно убаюкать. Кто-то из полицейских наверняка захотел привезти сюда на летний пикник собственную семью как-нибудь в воскресенье – но, конечно, он умолчит, при каких обстоятельствах натолкнулся на это место, ни словом не обмолвится о разыгравшейся тут трагедии.

После всего случившегося мать мальчика до того обезумела, что была не в состоянии давать показания. Примерно разобравшись, в чем дело, полицейские срочно вызвали подкрепление, чтобы начать поиски пропавшего отца Луи. Мадам Дракс сделали укол успокоительного и увезли на «Скорой» вместе с покалеченным сыном. Всю дорогу она держала его за руку – рука была еще мягкая, но очень холодная, словно тесто из холодильника. Он упал на дно ущелья, и поток поглотил его, а затем выплюнул ниже по течению на торчащий из воды камень. Оттуда и сняли Луи, безжизненного, пропитанного ледяной взвесью. Сделали все как полагается: искусственное дыхание, реанимация. Тщетно. Ребенок погиб.

Я все пытался вообразить, что почувствовала мадам Дракс, когда ее сына перенесли наверх и она увидела эту мокрую тряпичную куклу, уронившую безжизненные руки-ноги, увидела эту мертвенную бледность. Какие мысли пролетали тогда в бедной ее голове? Должно быть, сначала она долго кричала, потом завывала, словно раненое животное, почти без пауз на вдох. В конце концов ее все же утихомирили и поместили в «Скорую». Начиналась гроза: машина ехала по горной дороге, а навстречу ей с горизонта подтягивались сонмы серых набухших туч.

По словам женщины-полицейского, приставленной к матери и ребенку, в дороге Натали Дракс была молчалива и даже спокойна. Я уверен, она держала

погибшего сына за руку и молилась. В критические минуты все мы становимся набожными, с горя пытаемся заключить сделку с богом. Мадам Дракс наверняка просила бога вернуть то утро вспять, чтобы этот день никогда не наступал, чтобы все решения были иными, чтобы не прозвучали слова, которые были сказаны; молила господу отмотать время обратно и остановить на стоп-кадре. Еще я думаю, что уже тогда мадам Дракс винила себя. Не углядела. Кому, как не ей, было знать, чем все это закончится, что надвигается на ее сына, в какой он опасности. Она сделала все, чтобы предотвратить неизбежное, и даже, возможно, оттянула его. Но остановить не смогла.

В больнице мадам Дракс ввели снотворное, и она провалилась в искусственный сон, глубокий, без картинок. Но прежде собралась с силами и дала подробные показания, говорила голосом бесцветным, точно робот. Потом тем же механическим голосом ответила на все вопросы. Мадам Дракс была единственным свидетелем. Через десять минут после падения Луи в пропасть и таинственного исчезновения его отца мимо проезжала на машине другая семья, которая обнаружила мадам Дракс у дороги – она сидела в пыли и выла. Эта семья и вызвала полицию.

Гроза в горах уже расщепила небо, извергая ужасное громыханье, что сотрясало окрестности. Потом дождь захлестал с такой силой, что машины останавливались на обочинах, пережидая худшее. Теперь ясно, что «Скорая» лишь чудом добралась до больницы. Через два часа начался форменный потоп, и к вечеру полиция была вынуждена покинуть горы.

Наутро гроза прошла, и небо прояснилось, очистившись от злобы.

Полиция вернулась, чтобы продолжить фотографирование, расширить поиск и отогнать машину Драксов, новехонький «Фольксваген Пассат», припаркованный в полукилометре от места происшествия; в багажнике обнаружилась клетка с хомяком, который как сумасшедший крутился в маленьком колесе. Полиция подняла с травы насквозь промокшую подстилку, корзину с остатками продуктов и прочий пикниковый мусор – тарелки, ножи, вилки, термос с горячим кофе, полбутылки белого вина, три непечатые банки колы, дряблые влажные салфетки и – что интересно – полупустую упаковку с противозачаточными таблетками. Надо полагать, со всем, что осталось лежать на земле, поспешно разделалась природа. Армии муравьев стройными рядами утащили все, что не смыл дождь: крупинки сахара и соли, разбухшие хлебные крошки. Белки умыкнули арахис, а над растекшимися кусками торта в сахарной глазури остервенело кружили осы.

Тщательно искали на земле; водолазы спустились в разбухший водный поток и осмотрели несколько километров дна вниз по течению, но никому так и не удалось отыскать следов Пьера Дракса. Отец Луи исчез с лица земли, будто его поглотила и переварила земная кора.

Только участники трагедии могли поведать, что случилось в тот день на горном склоне. Но один из трех, очевидно, так и не узнает всей правды. Вторая замкнулась в себе, а третий умер. И если бы не чудо, здесь и можно было бы поставить точку.

У истории про Луи Дракса много зачинов, но день его гибели в ущелье – это день, когда жизни наши стали незаметно переплетаться. Потом я говорил себе, что этот день положил начало моему собственному падению и даже концу карьеры. Чуть не оговорился, чуть не сказал «концу жизни». Нелепо, что я до сих пор их путаю, ведь я многому с тех пор научился. Больницы – да и любые медицинские учреждения – страннейшие места на земле, набитые чудесами, ужасами и банальностями: рождение, боль, горе, торговые автоматы, смерть, кровь, врачебные бумаги. Но любой врач здесь как дома, даже больше, чем у себя дома, если больница – часть твоей жизни, твоя страсть, причина, чтобы...

Ну да. А потом наступает день, и человек – я, например, – вдруг замечает, что за пределами его больницы тоже есть мир, совершенно иная реальность, не та, в которой ты жил и которой дышал все эти годы, и у нее своя токсическая логика, способная тебя довести до предела, перечеркнуть все, ради чего ты трудился, все, что уважал, ценил, все выстраданное, заслуженное, любимое. И тогда вся жизнь идет кувырком. Поднеси магнит к компасу – и он начнет путаться: стрелка замечется и задрожит, бросит тяготеть к северу. Это и случилось со мной. Когда ко мне в отделение поступил мальчик по фамилии Дракс – словно магнитом сбило мой компас, и привычная мораль сиганула с тонущего корабля в воду. Попробуйте написать это нормальным языком – у вас ничего не получится. Уж я-то знаю, я пробовал. А началось все очень просто.

В реанимацию травматологического отделения госпиталя Виши прибыл девятилетний пациент. После его поступления была констатирована смерть, наступившая в результате черепных травм и других повреждений, вызванных падением и последующим утоплением. Тело было помещено в морг для дальнейшего вскрытия...

Пока нормально. Но потом.

Вечером в одиннадцать...

И тут начинается непонятное. Вроде бы все очень просто. В морге Виши лежит мальчик, на лодыжке болтается именная бирка. На улице гремит гром, в небе то и дело вспыхивают молнии. Мать мальчика накачали успокоительным, и она спит в палате на втором этаже под присмотром врачей, опасаящихся суицида.

Работник морга Фредерик Леклерк в углу моет в раковине инструменты, готовится к пересменке. И вдруг слышит какой-то звук. Не гром, в этом Фредерик уверен. Шумят внутри, и звук человеческий; похож на «икоту», как потом выразился Фредерик. Он оборачивается – и что он видит? У ребенка движется грудная клетка. Спазм, что ли. Фредерик работник молодой, в больнице недавно. Но он знает, что на этой стадии у трупов не бывает мышечных сокращений. К чести Фредерика, он не паникует, хотя все это напоминает дешевый ужастик. Молодой человек срочно звонит в отделение и вызывает реанимационную бригаду.

Но к их приходу ребенок, судя по всему, и не собирается умирать. Сердце бьется нормально, хотя дыхание стесненное. Луи снова поднимают в отделение, где повторно регистрируют множественные переломы и внутренние повреждения. Приходится удалить селезенку, осколок сломанного левого ребра угрожает легкому, так что и с этим приходится поработать; врачи изучают повреждения черепа и обсуждают детали предстоящей операции. Ребенок в ужасном состоянии. Однако жив.

Снова звонят Филиппу Мёнье, составлявшему акт о смерти, просят диагностировать черепные травмы. Мы с Филиппом вместе учились в университете и поначалу дружили. Потом оба решили специализироваться на неврологии, и между нами возникло что-то вроде соперничества. Филипп, как и я, много ездит, и мы регулярно сталкиваемся на конференциях, обмениваемся грубоватыми приветствиями и скрываем агрессию, хлопая друг друга по спине чуть сильнее, чем нужно. У нас уже было несколько стычек, но нужно отдать Филиппу должное: он хороший, вдумчивый врач. На счету каждая секунда, и

Филипп действует быстро, предупреждая начавшийся отек мозга. Сканирование показывает серьезные повреждения, но мозговой ствол не затронут. Самое опасное – опухание: мозг давит на черепную коробку. При помощи стероидов и вентиляции легких Филипп довольно скоро снимает эту проблему. Но ребенок по-прежнему в коме – 4-5-я степень по шкале Глазго[23 - Шкала комы Глазго – один из методов оценки степени нарушений сознания (по моторным, вербальным и зрительным реакциям), в 1974 г. предложенный неврологами из Университета Глазго Грэймом Тисдейлом и Брайаном Дж. Дженнеттом. Минимальные 3 балла по шкале Глазго соответствуют гибели коры головного мозга, максимальные 15 баллов – полностью ясному сознанию. 4-5 баллов означают, что пациент находится в терминальной коме.]

Я бы не стал называть воскрешение Луи чудом: медикам не положено прибегать к таким формулировкам. Врачи прокололись – вот это ближе к правде. Честно говоря, я сочувствовал Филиппу. В педиатрии крайне редко бывали случаи, когда ребенку, наглотавшемуся воды и получившему переохлаждение, диагностировали смерть. Можно, конечно, приукрасить собственный позор и назвать этот случай «неожиданным», «результатом неверного диагноза» или даже «феноменальным происшествием». Но факт остается фактом: через два часа после того, как ребенка официально объявили мертвым, он вдруг ожил. И по сей день ни один человек на земле толком не знает почему. Стоит ли говорить, какие неприятности будут у врачей – все они, включая Филиппа, чуть не проворонили ребенка. Вся больница стоит на ушах. Больница есть больница, врачи всегда психуют, но в тот день в Виши паранойя лезла через край.

Как-то нужно сообщить новости матери ребенка. Врачи решают обождать. Без толку ее будить, тем более что за это время ребенок может умереть снова – это совершенно не исключено при столь тяжелых черепных травмах. Тот самый случай, который явно может повлечь за собою «печальный исход». Через несколько часов мадам Дракс просыпается и изъявляет желание увидеть тело своего сына, а тот все еще жив, хоть и еле дышит, и тянуть с новостями больше нельзя. Мадам, похоже, ваш сын все-таки не умер. В редких случаях, не вполне невозможно, чтобы... Мы не до конца понимаем, как это могло... Она вне себя от счастья – она плачет, она ликует, она в смятении. Чудовищный стресс. Она прошла через ад, потеряла сына. И вдруг ей заявляют, что ее Луи – эдакий мини-Лазарь. Значит, самый страшный кошмар – позади?

Или совсем наоборот. Да, ее сын снова жив, и это счастье. Но скорее всего, он останется, простите, растением. Услышав об этом, Натали Дракс сразу бледнеет

и затихает. Представляю, что творилось в ее душе. Вчера, сидя в «Скорой», она молилась о чуде, молилась богу, в которого давно перестала верить или вообще не верила. И вот, как она и просила...

Невероятно. Мадам Дракс вздрагивает и растерянно моргает.

Работа легких и других жизненно важных органов была восстановлена, но пациент не пришел в сознание, хотя состояние его стабилизировалось и улучшилось. Луи Дракс пробыл в неврологическом отделении доктора Филиппа Мёнье три месяца, так и не выйдя из комы. Затем у пациента случился приступ, и ему стало хуже. Согласно установленной процедуре, был одобрен его перевод в «Clinique de l'Horizon»[24 - «Клиника “Горизонт”» (фр.)] в Провансе.

Луи Дракс поступил к нам 10 июля в глубокой коме и стал моим пациентом...

В моем кабинете над столом, уставленным карликовыми деревьями, висит репродукция картины португальского художника по мотивам френологической карты Галля и Шпурц-гейма[25 - Франц Иосиф Галль (1758-1828) – немецкий врач, создатель френологии. Иоганн Каспар Шпурц-гейм (1776-1832) – немецкий врач, ученик и ближайший соратник Галля.]. Искусными мазками художник преобразил человеческий череп в произведение природной архитектуры, в систему разделов, где каждый имеет название, согласно френологическому видению нашего внутреннего мира: скрытность, щедрость, надежда, самооценка, время, целостность, родительская любовь, случайность и так далее. Полнейшая глупость, но отчего-то она возвышеннее, чем подлинное строение мозга, структурированная плоть: лобная доля, височная доля, теменная область, затылочные доли, палеостриатум, зрительный бугор, форникальный рефлюкс и хвостатое ядро. Помню, утром 10 июля, ожидая приезда Луи Дракса, я рассматривал эту карту, словно ища в ней подсказку.

Знаете что: прежде чем продолжить рассказ про Луи Дракса, позвольте сказать, что тогда я был совершенно другим человеком. Я был успешным врачом, верил в свою проницательность, хотя на самом деле жил по верхам. Мне казалось, я знаю живую жизнь изнутри, могу нащупать ее пульс, отгадать скрытые механизмы. Но я еще и не заглядывал вглубь. Еще не изумлялся. Скажем так: я был человеком, любившим свою работу – и даже с избытком, – но у меня

имелись свои промахи, свои предпочтения, особенности и слепые пятна – кажется, так это называется у психологов. Мне не за что извиняться. В то ужасное лето, когда мир дал трещину, я был тем, кем был.

В то утро с самого начала все пошло вкривь и вкось – дома, я имею в виду. Стоял душный, не кормленный дождями июль, побивший все температурные рекорды в Провансе; каждый день за сорок градусов, по радио и телевидению без конца предупреждали о лесных пожарах – что-то в том году рановато они начались. Я сидел на балконе, млея на утреннем солнышке, доедал завтрак и пролистывал вчерашнюю «Le Monde»[26 - «Мир» (фр.) – французская вечерняя газета, самое популярное ежедневное издание во Франции и во франкоязычных сообществах за рубежом.]. В кухне раздавался грохот. Если я совершаю очередной брачный проступок, Софи склонна разгружать посудомоечную машину весьма оглушительно. Чтобы не будить лихо, я готов был уйти на работу в восемь без традиционного поцелуя. Но когда я уже очутился на крыльце, Софи распахнула кухонное окно и высунулась, словно кукушка из швейцарских часов. Она помыла голову, и с волос капало.

– Мне тебя ждать к восьми или нет? Или я снова наготовлю и буду сидеть битый час, пока ужин не остынет?

Это намек на вчерашнее: я пришел в девять, Софи лежала на диване, вся заплаканная, а рядом валялись поздравительные открытки от дочерей, от сестры Софи и матери – все поздравляли нас с 23-летней годовщиной, о которой я начисто забыл, хотя наша старшая дочь Ориана звонила на прошлой неделе и напоминала, что нужно «устроить маман что-нибудь романтическое». Мало того что я не устроил ничего романтического, так еще и вернулся домой совсем поздно, на редкость поздно, даже по моим меркам. Совершенно потерял счет времени, пересказывая своим пациентам центральную статью из журнала «Вопросы Неврологии в США».

– Это унижительно! Неужели нельзя проявить хотя бы капельку любви? – Софи ревела в голос, убирая со стола нетронутый ужин. – Я уже не понимаю, Паскаль, почему мы до сих пор не разошлись. Вместо того чтобы пообщаться с собственной женой, ты обсуждаешь проблемы неврологии с коматозниками. Ты посмотри на нас, мы же в этом огромном пустом доме катаемся из угла в угол, как... Я прямо не знаю. Как два бессмысленных камешка.

Софи умеет смотреть правде в глаза, и на сей раз нащупала истину. Мне было очень стыдно, я извинился, но это не помогло. Для нашего брака наступили нелегкие времена. А ведь когда-то мы были счастливы. Смолоду нарожали детей, получилась прекрасная семья. А потом... ну, в общем. Наверное, так бывает у всех: лучезарные моменты, потеря доверия по мелочам, разъедающие душу сомнения, примирение, самоуспокоенность. В последние месяцы общественной библиотеке в Лайраке, которой Софи заведовала со свойственным ей рвением, грозили урезать фонды. Дочери отчалили в университет Монпелье, и без них жизнь казалась Софи горестной и неполноценной.

Насколько я знал, я любил жену. Но насколько я знал? Когда наше гнездо опустело, обнажились и другие прорехи: не только у нее – у меня тоже. Эмоциональные и физиологические. (Отчего женщине так трудно понять, недоумевал я, что мужчине временами нужно ее тело? Это же несправедливо, что мужчина изгоняется спать в одиночестве всякий раз, когда трясет ее клетку.) В то лето, когда полыхали пожары, еще до появления Луи Дракса, все будто катилось вниз по спирали.

От дома до работы, от двери до двери – пять минут пешком. В прозрачном воздухе стоял легкий утренний туман, пахло зверем – такое бывает в разгар охотничьего сезона. Жизнь, подумал я. Пахнет жизнью. Я люблю вдыхать аромат сосновой смолы, сдобренный морской солью. Он заводит ум, заставляет отстраненно взглянуть на завихрения нашей супружеской жизни. Софи легко успокоить цветами, особенно если букет дорогой, в прозрачной бумаге, перевязанный ленточкой. Я шел на работу через оливковую рощу и думал о том, что вечером на обратном пути зайду к сельскому цветочнику, куплю букет, и нам обоим полегчает. Впереди показалась больница – воссияла на солнце ослепительной белизной: выцветший бетон и нержавеющей сталь имплантированы каменной скорлупе девятнадцатого века, бывшему «l'Hôpital des Incurables»[27 - «Приют для неизлечимых больных» (фр.)]. Сердце мое возрадовалось. Когда приветливо разъехались автоматические двери и в лицо мне ударил охлажденный воздух, настроение взмыло к облакам.

Радовался я и потому, что к нам привезут нового пациента. Наверное, странно такое говорить о маленьком мальчике, безнадежно впавшем в кому, однако мне не терпелось познакомиться с этим Драксом. Местные новости в газетах я не читал, поэтому тогда еще ничего не знал о трагедии Луи. Зато до меня дошли разговоры о его чудесном возвращении к жизни, хотя пресс-служба больницы Виши постаралась, чтобы история про икающий труп не просочилась в прессу.

Икающие трупы не способствуют позитивному имиджу медицинских учреждений. Я уже прочитал историю болезни – интересно, в каком состоянии будет Луи. Вдруг я распознаю надежду там, где другие врачи – и Филипп Мёнье в том числе – сдались? В нашей сфере поневоле фантазируешь о том, как вопреки дурным прогнозам добьешься чудодейственного излечения. Я кучу времени убиваю на такие мечты.

Что касается комы, я оптимист. Коматозные способны на большее, нежели кажется. Те, кто просыпаются – нередко медленно, мучительно и не до конца, – временами помнят яркие видения, почти галлюцинации: долгие, путанные фантазии о людях, которых больные никогда не знали в реальной жизни; сценарии правдоподобные и захватывающие, столь непохожие на зыбкие, монотонные шорохи палаты, что просачиваются в сознание. Бывали случаи – правда, редко, я это признаю, и многие в такое не верят, – когда коматозный общался со своим близнецом на телепатическом уровне, или в голове у матери звучал голос больного ребенка. Аппаратура неспособна уловить весь спектр активности головного мозга. Думать иначе – обманывать себя.

Так что и в отношении Луи Дракса я тоже был оптимистом, хотя, признаюсь, у меня упало сердце, когда я вчитался в его историю болезни. Неделю назад у мальчика случился приступ – потому его и перевели к нам. Последняя энцефалограмма показала, что ребенок впал в кому еще глубже, так что не за горами диагноз «персистирующее вегетативное состояние». Если такие пациенты заболевают еще чем-нибудь – обычно схватывают пневмонию, – врач, то есть я, объявляет родственникам, что теперь пусть природа распоряжается сама. Бывает, что пациенты выкарабкиваются даже из такой комы, но особых надежд никто не питает.

Все утро я работал в кабинете, прислушиваясь к шороху гравия на подъездной дорожке, а Ноэль без конца бегала туда-сюда, приносила мне документы на подпись, утрясала распорядок недели, а еще подсунула новое циркулярное письмо нашего главврача Ги Водена про возможную эвакуацию в случае лесного пожара. Скоро придет Эрик Массеро, отец моей анорексичной пациентки Изабель – на него нужно выкроить время. Звонила женщина-детектив со смешной фамилией, обещала перезвонить. Звонили насчет нового физиотерапевтического оборудования – если я хочу заказать, нужно связаться с физиотерапевтом, крайний срок – четверг. Готов ли мой доклад и слайды для симпозиума в Лионе – это на следующей неделе? Я отвечал на кучу вопросов Ноэль, подписывал бумаги, а сам все думал про этого Дракса.

Его привезли ближе к двенадцати. Недвижная погода забеспокоилась: под кобальтовым небом загулял ветер, оливковые ветви в мелких узких листочках заколыхались, заметались, словно косяки рыб, ополоумевшие и раздражительные. Иногда от мистралья можно обезуметь. Он не спасает от жары – лишь перемешивает горячий воздух. Сегодняшний ветер таил в себе угрозу – как в кукурузном поле Ван Гога, написанном накануне самоубийства; угроза, что начинается вовне, но поселяется в душе, едва ее вдыхаешь. Дракса на каталке вкатили в отделение. Возраст: девять лет. Состояние: крайне тяжелое. По обе стороны от каталки шли две медсестры, у одной в руке мягкая игрушка. А сзади шагала мать Луи – и меня сразу потрясла осанка этой маленькой хрупкой женщины. Ее поступь и гордо поднятая голова словно возвещали: «гордая жертва». У мадам Дракс были светлые волосы – нечто среднее между белокурыми и рыжими. Тонкие черты с аккуратными веснушками – непримечательная, с первого взгляда не поражала, но было в ней обаяние. Что-то от кошечки. А что до ребенка...

Бедный Луи.

Темные волосы, темные ресницы, но лицо мертвенно-бледное, будто вылепленное из воска. Прозрачная кожа едва ли не светилась, что напоминало каменные церковные изваяния умерших: некрупные, тонко очерченные ладони и стопы, глаза мечтательно закрыты. Дыхание совсем тихое, почти неуловимые вдохи и выдохи.

Тогда я знал только, что Луи Дракс в апреле упал в ущелье и, технически говоря, умер, а потом вдруг воскрес – или, по крайней мере, был избавлен от неверного диагноза. Так или иначе, все это было странно, почти нелепо. С медицинской точки зрения случай необычный. Я еще раз пролистал историю болезни: в свете последнего приступа – прогноз неутешительный. Всего лишь бездушные факты, не более того. Но в то время я ведь был совершенно другим. Я ничего не понимал.

Итак, человек, который ничего не понимал, представился мадам Дракс как лечащий врач ее сына, и уверил, что сделает для ребенка все возможное. И что я очень рад знакомству. Первые минуты очень важны. Я собирался помочь Луи, и мне нужно было заручиться доверием матери.

Как хорошо, что мы здесь, сказала мадам Дракс. У нее был парижский говор, с небольшим придыханием. Она улыбнулась – скорее судорога, чем улыбка. От нее

пахло духами – аромата я не узнал. Рука, которую она мне протянула, – словно совсем без косточек, будто ее скелет растворился. Страшно представить, что пережила эта женщина. Посттравматический синдром проявляется по-разному. У нее был оторопелый взгляд, преисполненный достоинства, – такое бывает у измученных родственников.

– Нет, это я рад, мадам. Мы примем Луи, как родного. Как видите, палата у нас общая, уже девять пациентов.

Я говорил, а сам всматривался в ее лицо. Я всегда это делаю. Всякий раз возможны и уродство, и красота – в зависимости от того, что за эмоции кишат в глубине. Под маской мадам Дракс мне виделось одиночество неразрешенного и неразрешимого горя, а еще стыд – поскольку боль отгораживает от мира; сколько я видел таких настрадавшихся родителей.

– Он находился в стабильной коме почти три месяца, – говорит мадам Дракс, и мы оба вглядываемся в неподвижное лицо мальчика на белом фоне подушки. Белая больничная рубашка, белая пижама. Под мышкой – плюшевый лось, шерсть свалялась от стародавней слюны. – А потом неделю назад он вдруг... вот мы и...

Она запнулась – потому что «мы» больше не существуют. Безымянный палец без кольца, но остался бледный след.

– Поэтому я перевезла Луи сюда. К вам. Доктор Мёнье очень высоко отзывался о вас.

Наши взгляды встречаются. У нее ореховые глаза с прозеленью, цвета провансальских холмов зимой после дождя. Ясные, молодые глаза. Мне жаль ее, потому что она вынуждена проходить через это одна, без мужа, и мне не терпится понять почему.

– А ваш супруг, он...

Она встревоженно, почти в панике смотрит на меня, уголок рта дергается.

– Так вы не слышали, что случилось с Пьером? И почему Луи в коме? – беспокойно спрашивает она. – Вам разве...

– Мадам, не беспокойтесь. Я, конечно же, прочитал историю болезни.

Я говорю спокойно, однако немного нервничаю. Видно, я что-то упустил.

– А о том, как это произошло, в подробностях... Так вы не в курсе? Разве полиция вам не...

– Вообще-то утром мне звонили из полиции, – быстро поправляюсь я, припоминая, как Ноэль что-то такое говорила. Но я чувствую, что в женщине закипает... гнев? – Кажется, ваш сын упал? В ущелье, так?

Но этими словами я пробуждаю болезненные воспоминания: лицо ее застывает, в глазах закипают слезы. Она роется в сумочке в поисках носового платка, отворачивается.

– Простите, мадам. – Я предполагаю, что она продолжит рассказ, но нет. Она промокает платком уголки глаз, часто моргает, берет себя в руки и меняет курс: рассказывает, что сняла домик на рю де л'Анжелюс, хочет участвовать в лечении. Чем она может помочь? Можно ли ей проводить с ним столько времени, сколько она пожелает? Санитарка Фатима трет около нас шваброй, и мы отходим в сторону. Я объясняю мадам Дракс, что не нужно волноваться, пусть ее сын немного обживется. Ей тоже надо обустроиться. Родители слишком часто забывают о себе, а это никому не идет на пользу. Нужно по возможности радоваться жизни.

– Может, у вас есть какие-то увлечения? Чем вы любили заниматься прежде?

– У меня масса фотографий Луи. Давно собиралась сделать альбомы.

– Вот и замечательно. Будете их показывать. Вы тут быстро со всеми подружитесь.

Она немного встревожена:

- Вообще-то я мало общалась с людьми, с тех пор как...

Перед нами незримо витает трагический образ несчастного Луи.

- Никогда не поздно начать заново, - говорю я.

- Наверное, вы правы. От этого очень замыкаешься.

- У вас есть родственники? Друзья?

- Мать живет в Гваделупе. Она собиралась приехать, но у отчима болезнь Паркинсона.

- Больше никого?

- Толком никого. Есть сестра, но мы не общаемся, поссорились много лет назад. - Снова повисает пауза - мы оба в задумчивости. Мне хочется спросить, почему она поссорилась с сестрой и куда подевался ее муж, но я боюсь показаться бестактным.

- Доктор Мёнье говорил, что у вас радикальный подход. Я очень рада. - У нее снова дергается рот - крошечная судорога. - Я уверена, что Луи как раз и требуется радикальный подход.

Я улыбаюсь - надеюсь, смущенно - и слегка, самоуничиженно пожимаю плечами. Неужели мадам Дракс поверила тому, что слышала обо мне? И тут же мысленно одергиваю себя, устыдившись собственной нелепости. Вот каково быть женатым на Софи: каждый день тебе нежно напоминают о том, как ты абсурден, каждый день в ушах звучит веселое хихиканье.

- Иногда он подает признаки жизни, - продолжает мадам Дракс и нежно гладит сына по голове. Любовь ее тревожна, любовь ее - защита, я это вижу отчетливо. - Дергается веко, или он вздыхает, или стонет. Однажды он пошевелил рукой, словно что-то хватал. Все эти мелочи дают надежду, но все равно... вся эта параферналия... - Она указывает на два катетера, которые тянутся из-под простыни к силиконовым мешочкам. Умолкает, кусает губы. Тяжело сглатывает. Она знает, что ее сын может не выйти из комы.

Что, быть может, она привезла его сюда умирать.

– Понимаю. – Я беру ее за локоть, как разрешается врачам. – Увы, многие связывают эти малозаметные движения с восстановлением работы мозга. Уверяю вас, это всего лишь произвольные сокращения мышц. Боюсь, это просто тик, спорадическая неконтролируемая моторная функция.

Я глажу ребенку лоб и аккуратно приподнимаю веко: его радужка – темно-карие пустое озерцо, недвижимое на фоне чистой белизны конъюнктивы. Ни шевеленья.

Все, что я сказал, мадам Дракс уже наверняка слышала. Как и многие родственники, она, скорее всего, перечитала кучу книг на эту тему, разговаривала с врачами, скачивала из Интернета свежие статьи, поглощала истории про горе, отчаяние, ложные надежды и чудесные исцеления. Но мы должны сыграть по сценарию. Пусть развернет сверток со словами, который принесла сюда, пусть соблюдет ритуал нужды. Я же соблюду свои ритуалы – уж какие есть. Никакая аппаратура не вернет этих детишек к жизни. Здесь борется природа.

– Видите вон ту медсестру с цветами? – Я указываю на дородную женщину, вошедшую в палату с охапкой пионов. – Это Жаклин Дюваль, палатная медсестра. Наше секретное лекарство. Жаклин работает у нас уже двадцать лет.

Жаклин машет нам – дескать, сейчас подойдет, вот только поставит цветы. Движения Жаклин быстры и элегантны, она ставит цветы и без умолку беседует с Изабель. От одного вида Жаклин я улыбаюсь. Общение с родственниками дается ей лучше, чем мне. Она умеет до них достучаться, знает, что и когда сказать, а когда промолчать. Сколько людей плакало у нее на плече, и при необходимости я могу отпустить тормоза субординации и тоже воспользоваться ее жилеткой.

Жаклин расправила цветы, отошла в сторону и любуется.

– Я читала про вашу теорию прироста сознания, – говорит мадам Дракс. – И еще про память как механизм излечения, и про грезы как разновидность ясного сознания, и... ну, доктор Мёнье говорил, что вы верите в такое, во что другие доктора не верят.

Ну вот. Вот, значит, в чем корень ее ритуала. А мой ответ будет скупым, и вскоре мне придется разочаровать мадам Дракс, сказав ей неприкрашенную печальную правду.

Но сначала подходит Жаклин, жмет руку мадам Дракс. Наклоняется над Луи, гладит его по щеке.

– Здравствуй, mon petit[28 - Мой маленький (фр.)]. Я тебя избалую вконец.

Мадам Дракс немного ошарашена таким панибратством, открывает было рот, но сдерживается. Я знаю, что уже через несколько дней Жаклин завоюет ее доверие. Я показываю, что нужно отойти подальше, и киваю на французское окно. Понижаю голос.

– Я скоро вернусь, mon cheri[29 - Мой дорогой (фр.)], – говорит Жаклин и похлопывает Луи по руке. – Я уверена, тебе у нас понравится, petit monsieur[30 - Маленький господин (фр.)]. И помни: твое желание для меня закон.

Мы идем через палату к окну.

– Что касается восхвалений моей персоны, мадам, на самом деле успехи мои не так велики, как думает публика, – шепчу я. – Это очень деликатная область. Множество факторов, и далеко не все физиологического свойства. Поэтому, прошу вас, обольщаться не стоит.

Мы выходим на террасу, за которой сразу начинается сад. Обжигающий ветер сводит с ума, и я стараюсь его игнорировать; дух захватывает от красоты этого укрощенного кусочка земли: воздушные потоки хлещут листву, превращая ее в смуту из серебра, пурпура, розового, лилового и белого. Но мадам Дракс будто не видит ни сада, ни нашего садовника мсье Жирардо: он усердно трудится в отдалении, вытаскивает влажные волокна водорослей из декоративного пруда. Мадам Дракс смотрит потерянно. Не готова расстаться с болью. Как объяснить ей, что этим Луи не поможешь, и вовсе не предательство – хотя бы на долю секунды вырваться из страдания, чтобы увидеть божью коровку или понюхать розу. Что мне сделать, чтобы лицо ее смягчилось, озарилось улыбкой? Абсурдные мысли. Я снова представляю бессловесную усмешку Софи, откашливаюсь, поворачиваюсь так, чтобы горячий ветер не бил в лицо, и

собираюсь с мыслями.

– Жаклин, я только что объяснял мадам Дракс, что шансы на выздоровление невелики.

Жаклин молча кивает, рукой загораживаясь от солнца. Я вижу, что и она еще не подобрала ключика к мадам Дракс.

– Но мы стараемся думать о хорошем, – говорит Жаклин. – Ради всех, включая нас самих. Оптимизм замечательно лечит. Мы тут стараемся творить оптимизм.

Позднее она расскажет мадам Дракс о своем сыне Поле. Не чтобы расстроить, а чтобы мадам Дракс с этим свыклась: порой смерть – единственный выход отсюда. Жаклин стала медсестрой из-за Поля. Двадцать пять лет назад ее восемнадцатилетний сын Поль на мотоцикле угодил в тяжелую аварию. Восемь месяцев он пролежал в коме, а потом скончался. Жаклин была на месте этих матерей, знала, что такое отчаиваться и вечно откладывать скорбь. Тут у нее больше человеческого опыта, чем у меня. Но мадам Дракс упорно игнорирует Жаклин. Она считает, главный специалист тут – я.

– Но, доктор Даннаше, ваша методика! – (Ее голос срывается; я и не думал, что она так возбуждена.) – Ваша революционная методика!

Мы с Жаклин переглядываемся. Мадам Дракс явно начиталась журнальных статей про Лавинию Граден и другие мои врачебные подвиги («Паскаль Даннаше: Защитник Живых Мертвецов»). Получается, что я теперь все отрицаю. У мадам Дракс обиженный вид, словно ее предали. Я ее подвел. М-да, хрупкая. Крайне хрупкая.

– Я бы не назвал свои методы революционными, – увещаю я. – Их применяют очень широко. Да, они вроде бы дают результаты. В отдельных случаях. Во многом это зависит от веры. От подхода. Чисто психологический момент. И все же я призываю вас не обольщаться. Не стройте особых надежд. Я сделаю все возможное; все мы сделаем. Но больше всего выздоровлению Луи могут способствовать его близкие. То есть вы.

– Мадам Дракс, вы должны понять, – тихо произносит Жаклин. – Кровные узы и эмоциональная связь способны помочь ему гораздо больше, чем всякие врачи.

Мальчик должен знать, что вы его любите и что вы рядом. Будьте с ним – он это почувствует. Он поймет.

Однако, едва Жаклин успокаивающе дотрагивается до локтя мадам Дракс, та морщится и слегка пятится, словно боится, что останется синяк. Этот краткий танец боли выдает внутреннюю борьбу. Такое часто встречается. Перебор сочувствия – и человек размякнет. Мадам Дракс берет себя в руки и произносит:

– Да, конечно. Мне это уже говорили. Я и сама хочу того же самого.

Еще бы. Луи – ее единственный сын. Она потеряла все на свете. Ей очень одиноко. Неудивительно, что она надела эту маску непроницаемости.

– Мадам, расскажите нам о вашем сыне, – улыбаюсь я. – Каким он был?

– Он есть, – поправляет мадам Дракс. – Не был, а есть.

Мы с Жаклин снова переглядываемся – слава богу, что Жаклин рядом; я знаю, она потом загладит мою бестактность. Пройдет какая-то неделя, и Жаклин возьмет эту надломленную мать под крыло, расскажет ей о больнице, втянет в громадное семейство родственников коматозных.

Я видел, как Жаклин раз за разом справлялась с самыми истерзанными людьми.

– Простите, мадам, – говорю я. – Думаю, вы понимаете: было бы неразумно считать, что улучшение произойдет... незамедлительно. И все же, разумеется, не будем терять надежды.

– Поймите, доктор, ведь он буквально воскрес из мертвых. Разве это не сверхъестественный случай? Ну, помимо библейских...

Тут я поспешно ее прерываю. Мне не нравится, куда заводит нас разговор. Меня тревожит истерика в ее голосе.

– Конечно, случай необычный. Поразительный. Но, понимаете, смерть... смерть – она не такая определенная, как мы привыкли думать. Бывали случаи, когда люди тонули, а потом... Я хочу сказать, грань очень тонка. Такое бывает.

Я неловко отступаю и озабоченно гляжу на часы. Нужно идти. У Жаклин тоже полно дел – она еще не помыла голову Изабель. Сегодня к Изабель приезжает отец, чтобы сменить бывшую жену – той давно пора передохнуть. Отец Изабель живет за границей и не бывал здесь год.

– Потом увидимся, мадам Дракс, – говорит Жаклин. – Если возникнут вопросы, обращайтесь ко мне или к другим палатным медсестрам. И еще раз добро пожаловать.

Мы наблюдаем, как пышная фигура Жаклин исчезает в палате, потом мадам Дракс поворачивается ко мне и упрямо говорит:

– Это была не случайность, доктор Даннаше. И не пытайтесь меня разубедить. Это не случайность. Я знаю своего сына. Я знаю, на что он способен.

Должен признаться: как бы ни хотел я помочь этой несчастной матери, я не могу поддерживать подобных разговоров. Иногда люди вбивают себе в голову полную нелепицу. Я смотрю на бабочку-адмирала: она пролетает мимо, огибает куст лаванды и усаживается на фиолетовый люпин.

– Прошу вас принять мои извинения, – мягко говорю я. – Расскажите мне про Луи. Я должен узнать его поближе.

Она молчит, поджав губы, и я вижу, что она сдалась; наша неловкая беседа вдруг вымотала мадам Дракс. Она стоит, потупившись, а потом смотрит в открытое двустворчатое окно на сына, который лежит в глубине палаты; мадам Дракс глядит, словно впитывает новую обстановку. Ее волосы переливаются на солнце великолепием меди и золота. Мне совершенно не к месту хочется погладить ее по голове, а затем становится стыдно. Я стараюсь думать о Софи, о том, какие купить ей цветы. Циннии. Да, подарю ей циннии.

– Луи очень необычный мальчик, – тихо говорит мадам Дракс. – Он выдающийся ребенок. И мы с ним очень близки. Я даже не представляю, как жить без него. С самого его рождения мы все время... общались. Мы знали мысли друг друга. Мы были как близнецы. А теперь... – Она мучительно сглатывает.

– Да? – мягко спрашиваю я.

– После всего, что случилось, я уже думаю... – Она замолкает, смотрит на свои руки – красивые, аккуратные пальчики, ухоженные ногти со светло-розовым маникюром. Хороший признак. Несмотря на свое горе, мадам Дракс не опустила, как это бывает со многими. Я вновь замечаю светлую полоску от обручального кольца. – Это глупо, – продолжает она. – Вы можете подумать, что я какая-то темная и суеверная. То есть образованные люди таких вещей не говорят. Но вы не представляете, какой он, мой Луи, и что ему пришлось пережить...

– Что вы имеете в виду? – Нет, я не могу удержаться: легонько кладу ладони на ее узкие плечи, смотрю ей в глаза, пытаюсь понять.

– Я поверила в одну вещь про моего сына. Поймите, Луи не такой, как другие дети. Всегда был другой. И мне кажется...

– Да?

– Мне кажется, мой ребенок – он вроде ангела, – выпаливает она.

И в ее отчаянных глазах вскипают слезы.

Мальчики должны беречь своих мам, чтобы они не плакали. А если Маман плачет, нужно ее успокоить и сказать: прости, что все так получилось и что из-за меня твое сердце уходит в пятки, прости, что беда настигла меня и я попал туда, где ты не можешь до меня дотянуться. Я знаю, что ты пыталась это предотвратить. Я помню, как ты без конца повторяла: Я должна защитить его, должна защитить. Правда. Без вранья. Ты не виновата, что не вышло.

Мальчики должны беречь своих мам, чтобы мамы не плакали, тем более если у мамы была тяжелая жизнь, а Grand-mère живет в Гваделупе, это очень далеко и туда не съездишь, и еще там растет папайя, а у нее такие семечки, немножко похожи на хомячьи кашки. И еще мальчики не должны подглядывать за мамами – это было еще до Густава, – потому что они всё поймут неправильно, начнут выдумывать всякие глупости, а потом наговорят что-нибудь другим, чтобы выпендриться, и все закончится слезами. Но иногда трудно не шпионить, потому что хочется много узнать такого, чего нет на CD-ROM'e про животных –

щелкнул мышкой и смотришь, как всякие животные что-нибудь там делают, узнаешь про их среду обитания, чем они там питаются, какой у них жизненный цикл, и как они выращивают своих детенышей, и тра-ля-ля. Но у меня же нет CD-ROM'а про людей – его, наверное, еще не выпустили. Потому я и шпионю, слушая, как они занимаются всякими секретными делами, делают секс (аа-аа-аа), или плачут, или спорят, или потихоньку обсуждают Дерганных Детей.

Очень хорошо использовать для этого радио-няню, у родителей есть радионяня, чтобы я снова не умер ночью от синдрома внезапной младенческой смерти, хотя я уже никакой не младенец. Можно включить радионяню наоборот и слушать, что они говорят, а самому сидеть в детской и есть хлопья с сушеной малиной, а родители на кухне, у них секретный разговор. Может, вы не знаете, что такое сушеная малина: ее специально высушивают холодным способом, это процесс такой.

– Мы должны сказать Луи правду, – заявляет Папа?. – Прости, Натали. Но я много думал об этом в последнее время.

– И травмировать его на всю оставшуюся жизнь? – говорит Маман.

– Не преувеличивай. Пусть лучше он услышит правду от нас. Луи знает, что у нас что-то не складывается. У него бешеная интуиция. Ты же видишь, как он чувствует перепады твоего настроения. Он поймет. Он знает, как сильно я его люблю. С этим не будет проблем.

Я опускаю ложку и перестаю жевать. Мухаммед гремит колесом, и я втыкаю в колесо карандаш, чтобы оно не гремело. Мне нужно услышать – а может, не нужно.

– Он начнет задавать вопросы, – говорит Маман. – Ты же его знаешь. Один вопрос, за ним другой, а потом все больше и больше вопросов. А потом он задает вопрос, на который нет ответа.

У нее дрожит голос. Она думает: я должна защитить его, должна защитить. Наверняка сейчас она смотрится в зеркальце над раковиной. Она всегда так делает, когда думает. Это у нее думательное зеркало.

– Ну и пусть задает свои вопросы. У нас есть Перес, он поможет Луи справиться.

- Мы что, и Пересу обо всем расскажем? Про Жан-Люка и...

Ее лицо в думательном зеркале. Испуганное.

- Конечно, нет. Все не будем рассказывать.

Папа? Наверняка сидит сейчас за столом и чистит свой швейцарский армейский нож - ему Мама? подарила на прошлое Рождество. Папа? говорит, это игрушка для больших мальчиков. Восемнадцать лезвий, и половина из них неизвестно для чего. Маман стоит к нему спиной, но он видит ее лицо в думательном зеркале.

- И что же мы ему расскажем? Как он пришел в этот мир? Как мы с тобой познакомились? Господи, Пьер, ты же не хочешь доконать ребенка. Ты что, не видишь - у него и так достаточно проблем. Ты знаешь, как его зовут в школе? Чекалдыкнутым.

- Поэтому я и предложил показать его психотерапевту!

- Замечательно, но кто, по-твоему, его туда водит? Я потом чуть не свихиваюсь от его разговоров!

Наверное, после этого ей уже не хочется смотреть в думательное зеркало, потому что она снова плачет. Мама плачет минимум раз в день, а иногда два раза, потому что трудно быть матерью Дерганого Ребенка.

- Прости, Пьер. Но я прошу - и даже настаиваю, да, настаиваю, - чтобы мы прекратили этот разговор. Ему лучше ничего не знать. Он запутается, будет нервничать. Ему что, мало? Не дай бог начнет заниматься самоедством. Так что забудь об этом.

Мне не разрешают есть в комнате. Может, поэтому я вдруг перестал жевать и поэтому у меня перестало глотаться. И я тогда все выплюнул в Алькатрас, вытащил карандаш из Мухаммедова колеса, и оно снова закрутилось. А потом я подумал, что ничего страшного, я ведь и так знаю, откуда взялся. Врачи разрезали маму, как маму императора Юлия Цезаря, потом они вытащили меня крюком для мяса, и мы с ней чуть не умерли. Но я ничего не понял про Жан-

Люка. Кто такой Жан-Люк? И что такое самоедство?

Очень многие – кроме Маман, конечно, она же знает, что я не вру, – но всякие другие люди считают, что я сам выдумываю неприятности. Но это неправда. Не всегда. Мне еще повезло, потому что мне плевать, верят мне или нет, особенно Жирный Перес.

Каждую среду, когда остальные дети ходят в ateliers[31 - Студии, мастерские (фр.)], или читают дома catechisme[32 - Катехизис (фр.)], или смотрят телевизор, я отправляюсь к Жирному Пересу. Жирный Перес – это толстый читатель мыслей, но у него не очень-то получалось их читать, а чтобы ему досадить, можно послать письмо с хомячьими какашками, только вот Перес, наверное, примет их за семена папайи и посадит в цветочный горшок, до того он лопух, и будет ждать и ждать, когда семена взойдут, но они никогда не взойдут. Или иногда, чтобы довести Переса, я считаю вслух: un deux, trois, quatre, cinq, six, sept, huit, neuf, dix, onze, douze...[33 - Два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать (фр.)]. Или по-английски считаю: one, two, three, four, five[34 - Один, два, три, четыре, пять (англ.)], но потом останавливаюсь, потому что не знаю, сколько будет после five.

– Ну, были у тебя какие-нибудь неприятности на этой неделе?

– Я обжегся спичкой, когда зажигал свечи. Маман ненавидит, когда я балуюсь с огнем, она ненавидит свечи и всякие костры, а я их обожаю. Потом еще я упал во дворе и ободрал коленку. А вчера у меня нарывал палец, и я чуть не заразился столбняком. Тогда у меня был бы тризм. Вот, видите, мне пластырь наклепили.

– И почему он у тебя нарывал?

Я научился щелкать языком о верхнюю часть рта, называется нёбо, и решил, что как раз пора. Я довольно громко щелкнул, но Перес ни слова не сказал.

– Я поранил палец лопатой, когда копал могилу.

– Что ж, расскажи мне про эту могилу. – Скрип. – Ты нашел зверька?

- Если бы я нашел зверька, я бы его не убил. Не сразу.

- Я имел в виду...

- Я бы подержал его в Алькатрасе вместе с Мухаммедом. Если бы это была крыса, я бы покормил ее личинками, а потом, может, убил бы. Через шестнадцать или семнадцать дней. - И я снова щелкаю языком, еще громче.

- Ну, рассказывай дальше. Для кого же была могила?

- Для человека.

- Понятно. И для кого именно?

- Для большого и даже огромного жирного человека, который живет на рю Мальшерб.

- А-а. И кто же это?

Ох! Какие же тупые эти жиртресты!

- Что ж, твои неприятности были маленькие, - говорит Жирный Перес и смотрит на меня своим думательным лицом. - Ничего страшного, тебя же не положили в больницу. Подумаешь, малость обжегся, поранил коленку, да немного палец понарывал.

- Ну и что? Все равно я тридцать три несчастья. Иногда несчастья большие, а иногда маленькие.

- Давай поговорим о больших. Которые кончаются больницей. Хочу тебя кое о чем спросить, Луи. Тебе нравится лежать в больнице?

- Несчастные случаи я не люблю. Ненавижу. Но люблю выздоравливать, это здоровско.

- И что в этом здоровского?

– Я не хожу в школу. И вокруг меня все прыгают. Мама сидит у кровати и разговаривает, как с маленьким, и можно лежать и молча слушать. И она делает все, что ни попросишь, – радуется, что опасность меня не убила.

– Опасность?

Я снова щелкаю языком, но получается негромко, потому что язык сорвался с нёба.

– Опасность есть всегда. Не бывает несчастий без опасности. И еще я люблю лежать в больнице, потому что Папа? покупает мне большие коробки с «Лего». И еще в больнице хорошо кормят – правда, смотря в какой. Самая лучшая больница – у нас в Лионе, которая Эдуара Эррио[35 - Эдуар Эррио (1872–1957) – французский политик и писатель, премьер-министр Франции в 1924, 1926 и 1932 гг.; мэр города Лиона сначала в 1905, затем в 1945–1947 гг.]. Там кормят пиццей и лазаньей, а на десерт можно попросить мороженое, потому что Лион – гастрономическая столица Франции.

– Да, так говорят, – соглашается Перес.

– И еще у них обычно есть «Плейстейшн» или «Нинтендо».

– А ты хочешь снова попасть в больницу Эдуара Эррио? Там хорошо и спокойно, так? Не надо, как ты говоришь, ходить в школу, и все сдувают с тебя пылинки.

Я снова громко щелкаю языком. На этот раз получается.

– Как думаешь, может, иногда ты совсем капельку рад полежать в больнице?

– Вы хотите сказать, что я нарочно туда попадаю?

– Нет, Луи, я этого не говорил. Я имею в виду совсем другое.

И тут мне хочется разбить аквариум с водой и морскими ракушками, который стоит у Переса на столе, и посмотреть, как осколки и ракушки разлетаются по комнате, и увидеть толстое лицо Переса.

– А скажите, мсье Перес, я ведь типичный Дерганый Ребенок?

Он смеется:

– Луи, таких не бывает.

– А теперь? – спрашиваю я после того, как Перес заканчивает прибираться. Он щеткой собрал в совок воду со стеклом, вытер пол своей гейской тряпкой, залепил порез пластырем, а потом позвонил Маман на мобильный и сказал, что придется закончить пораньше.

Мы сидим и ждем маман.

– Луи, о ком ты думал, когда разбивал аквариум? На кого был направлен твой гнев?

Снова ха! Вечно он твердит про «гнев». «Твой гнев». Он что, не может подобрать в словаре другого слова? Почему бы не сказать «самоедство»?

Звонят в дверь, наше время закончилось, и тогда я спрашиваю:

– А правда есть такие таблетки, от которых у женщины не будет детей? Каждый день принимаешь по таблетке из маленькой зеленой пластинки, в ней двадцать одна таблетка, крошечные такие, и хранятся в секретном месте?

Он смотрит на меня, как будто я Чекалдыкнутый.

– Да, Луи, такие таблетки существуют. Называются «контрацептивы». А почему ты спрашиваешь?

– Мне просто нужно знать. Я поспорил.

– В школе?

– Да, с мсье Зиданом, учителем. Я говорю, что есть такие таблетки от детей, а он говорит, что нет.

Перес задумывается на минуту.

– Может быть, ты нашел эти таблетки и теперь их глотаешь?

Я тоже притворяюсь, что задумался. Все думаю, думаю и думаю целую минуту. А потом снова щелкаю языком.

– Может, и глотаю. А что от этого бывает?

Маман говорит, что детям нужны правила и определенность. Нужно говорить детям правду. И дети тоже должны говорить правду – нужно все рассказывать врачам про свои неприятности. Нельзя ничего сочинять, лишь бы напугать других. Ты не представляешь, как трудно иметь ребенка, с которым вечно что-то случается. Все время душа уходит в пятки. Взрослые тоже иногда плохо поступают. Если тебя обидит взрослый, нужно сказать об этом другому взрослому, которому ты доверяешь. Я всегда буду рядом, Лу-Лу. Я и теперь сижу возле твоей кровати, и когда я сжимаю твою руку – вот так – может быть, ты чувствуешь.

– Ее необязательно слушать, – говорит Густав. – Возьми да отключи. Расскажи мне еще про себя, мой маленький джентльмен.

– Со мной однажды кое-что случилось.

– Где?

– В Парке «Парижский Диснейленд».

Зима. В выпуске погоды обещают двенадцать градусов, а к середине дня – до пятнадцати. Подует южный ветер, и на севере Франции он войдет во фронт низкого давления. Следовательно, на 65 процентов есть вероятность ливневых дождей, которые пройдут завтра и в понедельник, поэтому, выходя на улицу, не забудьте зонт. «Парижский Диснейленд» раньше назывался «Евро-Дисней». Но Папа? говорит, «Евро» не прижилось. Поэтому «Евро» отбросили, и получился «Парижский Диснейленд». А потом еще добавили «Парк», чтобы стало можно

употреблять спиртные напитки. И вот – абракадабра! – люди повалили толпами, потому что в брошюре написано: волшебный мир, в котором много-много королевств, особенно Страна Открытий с Космической Горой и многими другими сенсационными приключениями. Это волшебная мечта, идеальное место для семейного отдыха, даже если у вас не семья, а просто мама, папа и мальчик с хомяком. Мы с Папа? приехали в Париж на скоростном поезде «ТЖВ» и живем в гостинице «Санта-Фе» все выходные. Пусть Маман с Мухаммедом отдохнут дома, потому что мы с папой мужчины, а двое мужчин на одну маму, да еще на все выходные – это перебор, и от них может разболеться голова.

В Стране Приключений, пишут в брошюре, можно погулять по восточному базару времен Аладдина и проникнуться его экзотической атмосферой. А потом под ритмы бонго совершить путешествие на Карибские острова, и мы с Папа? туда и отправляемся, а кругом висят рождественские гирлянды, и Папа? немного носит меня на закорках, хоть я уже большой и тяжелый. В Стране Аладдина кто-то просыпал попкорн, а потом, несмотря на холод, мы становимся в очередь к гигантскому дереву Швейцарской Семьи Робинзонов с Острова Приключений. Это была такая семья, которая попала на тропический остров и построила себе дом на дереве. Мы уже поднимаемся по лестнице, и тут слышим женский голос:

– Пьер, это ты?

И тут же Папа? крепко сжимает мою руку, словно эта тетенька меня украдет или еще что. Вторую руку он кладет мне на плечо, и мы останавливаемся, не идем по лестнице. Тетенька эта не одна – она с дяденькой и двумя маленькими китаянками, они младше меня и одинаковые, как близняшки. И еще в сумке на животе толстый малыш, который не китаец. Мы все сгрудились в кучку, и мимо нас протискиваются наверх люди.

– Какой сюрприз, – говорит Папа?.

У него такой вид, будто его сейчас вырвет, но они с тетенькой целуются в обе щеки, как будто все нормально, а потом мы отходим в сторону, чтобы не загораживать проход.

– А это, я так понимаю, Луи, – говорит тетенька. – Привет, Луи.

Она наклоняется, и я целую ее в обе щеки, а тетенька целует меня. От нее пахнет ванилью. У нее мягкие холодные губы, и Рождество вдруг уже как будто завтра или послезавтра, а не через две недели.

Тетенька смотрит на меня, у нее бледно-голубые глаза, как вода в бассейне. Я смотрю и молчу: я вижу ее в первый раз, и непонятно, откуда она про меня знает. Может быть, она видела меня маленьким. На ней красное пальто и в ушах красные сережки, она симпатичная и черноволосая, но не такая черноволосая, как китайки, а они хихикают, будто их что-то насмешило. Может быть, они смеются над моими дурацкими перчатками, которые Маман заставила меня надеть, поэтому я снимаю перчатки и засовываю их в карман. Папа? девочек совсем не китаец, он жмет моему Папа? руку.

- Алекс Фурньер, - говорит он.

- Пьер Дракс, - говорит Папа?.

Мне интересно, почему это у китайков родители не китайцы.

- Так вы и есть тот самый знаменитый Пьер Дракс?

Папа? вовсе не нравится быть знаменитым Пьером Драксом.

- Папа?, я и не знал, что ты знаменитый.

- Это просто шутка, - быстро говорит Папа?.

Дяденька долго смотрит на Папа?, потом на тетеньку и кивает, как будто сильно думает, как будто ему достался сложный кусок «Лего». А потом говорит:

- Я очень о вас наслышан, Пьер.

Тетенька берет своего Алекса за руку и говорит:

- А это наши детишки. - Она улыбается, радостная такая, только это неправда. - Это Мей, это Лола, а мальчика зовут Жером. Ему год и один месяц.

- Поздравляю, - говорит Папа?.

- А как твои дела? - спрашивает тетенька. - У вас появились еще дети?

- Нет, у нас только Луи, - говорит Папа?. Они с тетенькой долго смотрят друг на друга, а потом дяденька откашливается, вроде как хочет что-то сказать, но молчит.

- Как поживает мама Луи? - спрашивает тетенька.

- Натали поживает прекрасно, спасибо, - отвечает Папа?. - Она не смогла с нами выбраться.

- Потому что от нас у нее болит голова, - встречаю я. - Иногда женщины устают от мужчин.

- Печально это слышать, - говорит тетенька и смотрит на Папа? очень пристально, а он велит мне надеть перчатки, чтобы руки не замерзли, а я спрашиваю, почему у них дети китайские? А Папа? говорит: не груби. А тетенька говорит: он не грубит, он просто спросил. А девочки родились в далекой стране Китае, и это их приемные дочери, ты знаешь, Луи, что такое приемный ребенок? Маман с Папа?, наверное, объяснили мне, что такое приемный ребенок? Но я говорю, не знаю, что такое приемный ребенок, а китаянки хихикают, им, наверное, смешно, что я не знаю, а тетенька смотрит на Папа?, а потом на меня, и скороговоркой рассказывает, ну, в общем, они с Алексом привезли девочек из Китая два года назад, а вскоре случилась приятная неожиданность - родился Жером. - Это был просто подарок с неба, - говорит она и краснеет от счастья.

- Так что мы зря времени не теряли, - говорит дяденька, и он тоже счастлив. - Три ребенка за один год!

Дяденька очень этим гордится, как будто в лотерею выиграл. Как будто хочет сказать моему папе: видишь, у меня три ребенка, а у тебя только один, у меня две девочки-китаянки, а каждый знает, что девчаческие девочки-китаянки лучше, чем Дерганные Мальчики. И еще у нас есть смешной карапуз с толстыми румяными щеками: он сосет соску, а на голове у него шапка с ушами, как у зайца.

– Так что теперь нас пятеро, – говорит тетенька. – Квартира тесная, но надеюсь, мы скоро переедем – мне предложили работу в Реймсе, а вчера Алекса повысили до регионального менеджера и тоже переводят в Реймс. Поэтому мы сегодня гуляем.

– Я рад, что у тебя все сложилось, – говорит Папа?. – Ты это заслужила, Катрин.

Очень приятная тетенька, не понимаю, почему папе так нехорошо. Она все говорит и счастливо смеется, а Папа? все мрачнее и мрачнее. Потом смотрит на часы, будто сейчас ужасно много времени.

– По-моему, *mon petit loup*, нам пора обратно, – говорит он мне.

Ну конечно, тра-ля-ля.

– А как же Дерево Семьи Робинзонов? – спрашиваю я. – Давай с ними поднимемся.

Китаянки все смотрят на меня и хихикают, но мне все равно, они просто глупые девчонки, да еще китаянки, и глаза у них продолговатые, как листья, и я не хочу с ними играть, потому что все девчонки дуры, и я знаю, что они смеются над моими перчатками, хоть я и засунул их в карман.

– Нет, слишком длинная очередь, – говорит Папа?. – Давай сначала перекусим. А потом я куплю тебе сахарную вату, я запомнил, где ее продают. Приятно было повидаться, – говорит Папа? тетеньке. – И рад, что у тебя все сложилось. Ну, пока.

На этот раз они обходятся без поцелуев, а просто жмут друг другу руки. Сначала он с ней, потом он с ним. Дяденька так смотрит на Папа?, как будто Папа? вор и сейчас у него что-нибудь упрет. А я хочу остаться и подняться на дерево с китаянками, хоть они и хихикают из-за моих дурацких перчаток и вообще дуры, но Папа? тащит меня за собой, честное слово – тащит, и моей руке больно. Если у меня от этого будет вывих, я попаду в больницу, но лучше не надо, потому что я обещал Маман, что, если увижу опасность, то скажу взрослому, которому доверяю, так всегда нужно поступать, если чувствуешь опасность. Я оглядываюсь, и одна китаянка мне машет, а тетенька с дяденькой держатся за руки. Маман с Папа? не держатся за руки и не целуются, потому что поцелуи –

это глупо, и есть другие доказательства любви, например, ответственность и умение содержать семью, а не бросать ее на произвол судьбы. Но иногда мне хочется, чтобы они целовались.

Мы проходим мимо урны, и я потихоньку засовываю туда свои дурацкие перчатки, когда Папа? не видит. В ресторане мы едим мексиканский фастфуд под названием такос. Такос пахнут картоном, они с *rommes frites et ketchup*[36 - Картофель фри с кетчупом (фр.)]. У Папа? странное лицо, и он все время заказывает пиво. Он берет меня за руку и говорит, что любит меня, а я говорю, что тоже его люблю, но все равно чувствую: что-то не так.

- Что это за люди? И что за тетенька?

- Просто мы были раньше знакомы, - говорит Папа?. - Мы были... друзьями. Очень близкими друзьями. Вообще-то... - Он снова берет меня за руку. - Я тебе раньше этого не говорил. Твоя Маман считала, что тебе не нужно этого знать, но... не понимаю, почему бы тебе и не знать. Я был женат на этой тетеньке.

- Женат?

- Да. Три года. Но это было давно.

- Ух.

- Я не зря сказал? Ты не расстроился?

- Нет. Чего тут расстраиваться? Ты ведь теперь женат на Маман, поэтому родился я. А так бы у тебя были две дочки-китаянки и этот малыш с дурацкой соской и шапкой с заячьими ушами.

Он молчит и просто смотрит на меня, и лицо у него думательное.

- Да. Может, ты и прав. Никто не знает, как бы все сложилось. - И опять вздыхает. - Но давай не будет говорить Маман про Катрин.

- Да? Почему?

– Ну... – говорит Папа?, цепляет вилкой romme frite и кладет в рот. – Ты же знаешь Маман.

Что правда, то правда. Маман становится очень странная, когда Папа? с другими тетеньками. Она не любит, когда он с ними разговаривает. От этого сплошные неприятности. Мужчины всегда предают женщин. Постоянно. Они на это запрограммированы. Мы едим руками rommes frites, а потом я рассказываю, какую хочу модель самолета: я развожу руками, изображая метровый размах крыльев, и опрокидываю колу, и Папа? так извилисто машет рукой, чтобы к нам подошли и протерли стол.

– А что такое приемные дети?

Стол нам протирает негр, только без полосок на щеках, как от Ритуальных пыток, которые называются Инициацией, – я видел такого негра на Лионском рынке, он продавал ожерелья из ракушек. Негр протирает стол, а Папа? объясняет, что приемные дети – это когда берешь чужого ребенка, потому что сам не можешь иметь детей. Настоящие родители не могут заботиться о детях, потому что бедные или не справляются, и поэтому отдают другим родителям, у которых не может быть детей. Катрин взяла себе девочек из Китая, поскольку думала, что сама не сможет родить. Но когда она и ее муж взяли китайянок, у них получился свой сын.

– Значит, Катрин не рожала не из-за того, что принимала таблетки от детей?

– Нет, она хотела иметь детей. А таблетки принимают только те, кто не хочет.

– Из-за этого Маман и принимает таблетки?

Он смотрит на меня и хмурится:

– Она их не принимает. Она принимает витамины и другие лекарства. Фолиевую кислоту, например. И так далее. Ты, наверное, видел витамины, а витамины – это совсем другое.

– А почему вы с Маман не хотите родить еще одного ребенка? Мне надоели эти хомячки. Мне надоело, что у нас такая маленькая семья, только ты, я и Маман.

Почему вы не можете родить мне братика?

– Мы бы с радостью, – говорит Папа?. – Мы были бы счастливы, поверь мне, mon petit loup. Мы стараемся.

Он говорит, а сам весь бледный и желтый, как китаец.

Опоздание поезда – это плохая примета. Поезд «ТЖВ» до Лиона ушел на четыре с половиной минуты позже. О плохом узнаешь, только когда оно случается.

– Обошлись без неприятностей! – Папа? сидит в кухне и рассказывает Маман про «Диснейленд». Маман взбивает миксером тесто для пирожных, потому что если кто-то, например Люсиль, говорит, что Маман не умеет готовить, они все врут.

Маман сердито смотрит на Папа?, потому что они не любят друг друга, как та тетенька с мужем и китайскими девочками. Может, мои родители друг друга даже ненавидят. Может, они вообще хотят развестись. Но этого они не могут. Из-за меня.

Они не могут развестись, потому что я им не позволю. Вот послушайте.

– Мы встретили в «Диснейленде» одну семью, – говорю я. – И Папа? знал ту тетеньку.

Она пьет эти таблетки. Я видел, как она вытаскивала их из ящика с косметикой и запивала водой. У нее там целая куча всяких лекарств – снотворное, ароматическое масло «Ночная примула» и тра-ля-ля. Если мальчик будет пить такие лекарства, у него вырастет грудь, потому что Жирный Перес говорит, что в них содержится гормон, который называется женским. И у тебя будет изменение пола, про него показывают по телевизору. Я видел такую передачу: можно превратиться в девушку, и тогда не будешь насильником. Платишь пятьдесят тысяч евро, и тебе отрезают член.

– Расскажи мне про эту семью, Луи, – говорит Маман. Ледяным Тонем – это Папа? так его называет. Ледяной звяк. – Это что еще за тетенька?

Папа? встает из-за стола и начинает выгружать посудомоечную машину, расставляет тарелки в буфете.

- У этой тетеньки две китайские дочки, и они все время хихикают. Они приемные дети. А малыш не приемный, у него дурацкая шапка с ушами, как у зайца.

- Это моя бывшая сослуживица, - говорит Папа?, вынимая ножи и вилки. - Из «Эр Франс».

Он гремит тарелками.

- Из какого отдела?

- Э-э. Из отдела кадров.

- Симпатичная? - спрашивает Маман.

Она говорит мне, а сама странно так смотрит на Папа?. Но он стоит к ней спиной и гремит тарелками, а сам, наверное, думает: ледяной звяк.

- Да, очень симпатичная. Но нам было пора уходить. Папа? сказал, что пора. А было не пора. Я еще даже не хотел есть, но он повел меня в ресторан, который назывался «Мехико».

- Понятно, - говорит Маман. - Значит, «Мехико».

Она продолжает глядеть на Папа?, но он рассматривает стаканы, вымыты или нет.

- Лу-Лу, походи посмотри мультфильмы, - говорит Папа? и смотрит на меня грустными глазами. Если бы он не был сильным, даже почти Машиной-Убийцей, я бы мог даже подумать, что он трус.

Не знаю, зачем я рассказал Маман про эту тетеньку. Я ведь не говорил, что за тетенька и что ее звали Катрин, и даже не сказал, что Папа? был на ней женат. Но наверное, Маман догадывается, потому что сейчас они будут ссориться. Я смотрю «Мадлин»[37 - «Мадлин» - мультипликационный сериал о приключениях

маленькой девочки по мотивам книг Людвиг Бемельмана.], а Маман орет на Папа?, а он пытается ее успокоить.

– Ведь это была она, так? Ты меня обманул! Зачем ты врешь? – вопит Маман. – Господи, почему ты не можешь сказать правду?

Папа? что-то тихо отвечает, так тихо, что я не могу слышать.

– Ты собираешься с ней встретиться, так? Будешь ползать перед ней на коленях. Давай, пожалуйста, если тебе так хочется. Ты нам с Луи не нужен.

Папа? снова что-то тихо говорит, успокаивает Маман, а потом я слышу обрывки ее фраз: Раз ты так угрызаешься. Ребенок. Ты не посмеешь. И зачем я только. Нужно было дать вам волю. Сердце кровью обливается. Сделала бы тебя счастливым. Придется смириться. Меня не за что винить. Это твоя ошибка, а не моя.

Все это я рассказал Густаву, а Густав молчит. Никогда не знаешь, сможет Густав говорить или будет кашлять и кашлять, до тошноты, пока водорослями не вырвет. Но на этот раз ничего такого. Он даже не шевельнулся. Он плохо себя чувствовал, больше крови, чем обычно: ярко-красная кровь, она сочилась через бинты. Я подумал, что, наверное, он плачет под своими бинтами. А я вам говорил, что у Густава голова забинтованная, как у мумии? И что у него нет лица? И что он живет у меня в голове?

Густаву все хуже. Он говорит, что однажды застрял в одном темном месте. Он очень хотел есть, но еды не было, да и все равно у Густава не было рта, потому что его отъели. Кровь сочится из-под бинтов и течет по его шее алым ручейком. Там, под бинтами, Густав умирает.

– Расскажи мне дальше, мой маленький джентльмен, – говорит Густав. – Расскажи, пока я не умер.

И тогда я рассказываю ему про грязный секрет Жирного Переса.

Однажды я снова прихожу в его гадкую квартиру в Gratte-Qel. Перес идет в свою гейскую кухню, чтобы налить мне колы, потому что я всегда требую колы: я отказываюсь общаться без колы, или иногда я еще хочу сладкого. Пока Переса нет, я роюсь в его комнате в надежде найти что-нибудь новенькое. Выдвигаю ящики комода, заглядываю за диванные подушки, потому что туда может закатиться монета, а однажды я нашел бумажку в десять евро, или еще батарейки 3-A – и все это можно слямзить, он никогда не замечает. На этот раз я нашел большую штуку, особенную. Бинокль.

Здоровско.

Я навожу бинокль на окно, кручу колесико, чтобы получилось четко. На улице идет снег: снежные хлопья летают, словно кто-то порвал белую бумагу и выкинул обрывки. Мне интересно, откуда раздается эта музыка, потому что когда я играю в Ничего Не Говори, я слышу, как грохочет музыка и женский голос кричит: «раз, два, три, сжимайте ягодички, девочки, ведь мы же хотим, чтобы у нас были крепкие попы?»

Жирный Перес вносит в комнату свое монстрообразное тело, и еще он принес мне колу.

– Чем ты тут занимаешься, Луи?

– Вы положили лед в колу? Скажите, зачем вам бинокль, и я отдам его обратно.

– Да, положил, три кубика. Бинокль мне нужен, чтобы смотреть вдаль. На птиц, например.

– Каких птиц?

– В городе можно рассматривать голубей и скворцов, иногда цапли встречаются, – поясняет Перес. – Можно смотреть, как цапля ловит в пруду цветных карпов.

Я навожу на Переса бинокль и вижу сплошное огромное пятно. Кручу колесико, и вот уже можно различить лицо. Перес улыбается, тянется к биноклю. Но я еще не насмотрелся.

– Вы извращенец, да? – говорю я. – Вы смотрите, как тетеньки раздеваются и делают аэробику. Вы смотрите на их попы и грудь. Да?

– Луи, давай начнем наш сеанс.

– Вы смотрите на голых тетенок и играете со своим членом. Вы насильник.

– Кто?

– Насильник.

Перес присаживается в кресло и смотрит на меня так, будто я Чекалдыкнутый, меня так в школе зовут. У Переса сейчас такой же взгляд. Его лицо в бинокле снова размытое, но все равно видно, как гадко он улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/liz-dzhensen/devyataya-zhizn-lui-draksa/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Пол Брокс – британский нейропсихолог; его исследование «В стране молчания: путешествие по дорогам нейропсихологии» («Into the Silent Land: Travels in Neuropsychology») было опубликовано в 2003 г. Первая часть названия книги перекликается со стихотворением американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882) «Песнь страны молчания».

2

Гарри Гудини (Эрих Вайсс, 1874–1926) – американский иллюзионист венгеро-еврейского происхождения, фокусник-эскапист.

3

Небоскреб (фр.).

4

Мясная лавка (фр.).

5

Постная колбаса (фр.).

6

«Голубая планета» (фр.).

7

«Животные: их необычайная жизнь» (фр.).

8

Жак-Ив Кусто (1910–1997) – французский морской исследователь, эколог, фотограф, один из изобретателей акваланга; снимал многочисленные фильмы о подводной жизни.

9

Уилбер (1867–1912) и Орвилл (1871–1948) Райт – американские авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации.

10

«Гарри Поттер и Орден Феникса» (фр.).

11

Рыбный суп (фр.).

12

Зинедин Язид Зидан («Зизу», р. 1972) – франко-алжирский футболист, играл за национальную сборную Франции по футболу; в разное время выступал за четыре европейских клуба, в том числе «Реал Мадрид».

13

От фр. *matie* – бабушка.

14

Алькатрас – остров в заливе Сан-Франциско, где до 1963 г. размещалась тюрьма строгого режима; теперь Алькатрас – исторический памятник. «Побег из Алькатраса» (1979) – боевик американского режиссера Дона Сигела по мотивам одноименной книги (1963) Дж. Кэмпбелла Брюса об истории Алькатраса и побегах оттуда; в основу фильма легло исследование Брюса, посвященное реальному побегу заключенных Фрэнка Морриса и братьев Джона и Кларенса Энглинов; Морриса в фильме сыграл Клинт Иствуд.

15

Имеется в виду история смерти Гарри Гудини: в Монреале после выступления к нему в примерную зашел студент Университета Макгилл Дж. Гордон Уайтхэд, спросил, действительно ли Гудини способен выдержать любой удар в живот, и когда Гудини это подтвердил, Уайтхэд несколько раз его ударил. Гудини был госпитализирован на следующий день и умер спустя неделю от перитонита, начавшегося из-за разрыва аппендикса. Нет достоверных подтверждений тому, что разрыв аппендикса был следствием выходки Уайтхэда, однако вероятность этого велика.

16

Волчонок (фр.).

17

Пирог с мясом (фр.).

18

«Кондитерской Шарля» (фр.).

19

Дорогой (фр.).

20

«Новый наблюдатель» (фр.) – один из крупнейших французских журналов, культурно-политический еженедельник.

21

Очко (фр.).

22

Френология – теория, согласно которой можно судить о психических характеристиках человека на основании измерений черепа.

23

Шкала комы Глазго – один из методов оценки степени нарушений сознания (по моторным, вербальным и зрительным реакциям), в 1974 г. предложенный неврологами из Университета Глазго Грэймом Тисдейлом и Брайаном Дж. Дженнеттом. Минимальные 3 балла по шкале Глазго соответствуют гибели коры головного мозга, максимальные 15 баллов – полностью ясному сознанию. 4–5 баллов означают, что пациент находится в терминальной коме.

24

«Клиника “Горизонт”» (фр.).

25

Франц Иосиф Галль (1758–1828) – немецкий врач, создатель френологии. Иоганн Каспар Шпурц-гейм (1776–1832) – немецкий врач, ученик и ближайший соратник Галля.

26

«Мир» (фр.) – французская вечерняя газета, самое популярное ежедневное издание во Франции и во франкоязычных сообществах за рубежом.

27

«Приют для неизлечимых больных» (фр.).

28

Мой маленький (фр.).

29

Мой дорогой (фр.).

30

Маленький господин (фр.).

31

Студии, мастерские (фр.).

32

Катехизис (фр.).

33

Два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать (фр.).

34

Один, два, три, четыре, пять (англ.).

35

Эдуар Эррио (1872–1957) – французский политик и писатель, премьер-министр Франции в 1924, 1926 и 1932 гг.; мэр города Лиона сначала в 1905, затем в 1945–1947 гг.

36

Картофель фри с кетчупом (фр.).

37

«Мадлин» – мультипликационный сериал о приключениях маленькой девочки по мотивам книг Людвиг Бемельмана.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/liz-dzhensen/devyataya-zhizn-lui-draksa-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)